ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й № 42 (4938) ВТОРНИК, 6 АПРЕЛЯ 1965 г. ЦЕНА 4 коп.

писатель комментирует

ЭТОГО ЖДАЛИ!

Леонид ИВАНОВ

В ПРЕДДВЕРИИ мартовского Пленума ЦК КПСС мне довелось встречаться с людьми деревни, беседовать с ними. Нетрудно было заметить, что деревня жила в те дни ожиданием новых, реалистических решений. И она не обманулась в своих ожиданиях! Меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства нашей страны, утвержденные мартовским Пленумом, проникнуты настоящей заботой о благосостоянии народа.

В чем для деревни такая огромная помощь трудяжникам села! Списываются все долги с колхозов, снижаются размеры подоходного налога, усиливается техническое вооружение сельского хозяйства, все прибыли совхозов пойдут на дальнейшее расширение производства, на улучшение быта рабочих. Цены на товары для деревни снижаются, доводятся до уровня городских.

А какое огромное — именно огромное! — повышение закупочных цен на зерно и на продукты животноводства! Ведь теперь главное будет зависеть от усилий работников на местах: при новых ценах все отрасли — и полеводство, и животноводство — могут быть рентабельными.

Мой давнишний друг Григорий Яковлевич Вирич, директор Сосновского совхоза Омской области, уже прикинул: если бы в минувшем году существовали установленные теперь закупочные цены, то его хозяйство получило бы дополнительно 835 тысяч рублей чистой прибыли. Вот что такое новые цены!

Партия смело и решительно вскрыла серьезные недостатки, имевшие место в последние годы, и указала широкую дорогу для подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства.

Но есть в этом решении то, что не требует дополнительных вложений государственных средств, однако отдачу принесет не меньшую.

И МЕЮ в виду доверие! Доверие к людям деревни.

Грустно было в последние годы наблюдать, когда умные, знающие свое дело руководители и специалисты сельского хозяйства фактически были отстранены от урожайных дел. Все предписывалось из центра — и какие культуры сеять, и какие севообороты вводить, и даже сколько каких зерен в гнездо ложить. Шаблонные установки, одинаковые для всех районов нашей огромной страны, мешали разумному ведению хозяйства, никак не способствовали производительному использованию главного нашего богатства — земли.

Конечно, и в этих трудных условиях некоторые руководители и специалисты изыскивали пути к повышению урожайности полей и повышению продуктивности животноводства. Но им приходилось идти на немалый риск, отказываясь от шаблонных рекомендаций. И я знаю многих руководителей, смелых, любящих свое дело, которые шли на такой риск: сохраняли в целости освоенные и оправдавшие себя севообороты, лучшие приемы агротехники, готовили и чистые пары, но не показывали их в отчетах, чтобы не накликать беды. Не дико ли: ради того, чтобы вырастить в поле высокий урожай, приходилось иметь, как у нас в Сибири выражались, «подпольные пары», совершать обман. Но это была святая ложь!

А как была принижена на местах роль специалистов сельского хозяйства! Будучи по должности инженерами-технологами производства, они по существу превращались в слепых исполнителей шаблонных рекомендаций, а точнее — приказов. И этот порядок породил многих бездумных работников, отвыкших от творчества, от самостоятельных решений. Не этим ли объясняется тот факт, что у нас очень плохо внедряются передовые приемы ведения хозяйства?

Теперь роль специалистов в сельском хозяйстве возвышена до должного уровня: они сами решают все вопросы, связанные с организацией производства в колхозах и совхозах, сами разрабатывают и осуществляют необходимую агротехнику для каждого поля в отдельности, сами разрабатывают севообороты, сами определяют набор наиболее урожайных и выгодных для своих мест культур.

Здесь есть необходимость обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Планировать посевные площади руководители колхозов и совхозов могли и в прошлом году. Такое право им было дано февральским Пленумом ЦК КПСС. Но далеко не везде можно было в полную меру воспользоваться этим правом. Почему? А потому, что, планируя площади посева, надо было оглядываться на установленный план продажи зерна государству, а он, этот план, для многих хлебных районов страны, особенно Сибири и Целинного края, был, что называется, под самую завязку: чтобы выполнить этот план продажи зерна, надо было засевать зерновыми культурами в ряде случаев больше 70 процентов пахотной земли. Для других культур земли, по существу, и не оставалось. При таких условиях право самостоятельного планирования фактически сводилось на нет.

Сейчас же дело меняется, открывается большой простор для творческой инициативы местных работников, потому что, во-первых, значительно снижается план закупок зерна и, во-вторых, устанавливается твердый план этих закупок на шесть лет вперед.

Теперь в каждом хозяйстве есть возможность регулировать планы посевов различных культур, расширять площади под наиболее урожайными и экономически выгодными, вводить паровую обработку, где в этом есть необходимость, а главное — возможность работать с большим заглядом вперед.

Отныне не администрирование, а научно обоснованное ведение сельского хозяйства входит в жизнь.

...ПРОЙДЕТ совсем немного времени, и советский народ увидит отличные всходы добрых семян, которые посеяны решениями мартовского Пленума ЦК нашей партии.

НОВЫЕ КОЛУМБЫ ВСЕЛЕННОЙ

Героев космоса приветствует Агния Барто.

Фото Б. ВИЛЕНКИНА

Встречи писателей с героями космоса стали доброй традицией. Лишь недавно желанными гостями в Центральном Доме литераторов были В. Комаров, К. Феоктистов и Б. Егоров. А вчера сюда приехали «космические братья» Павел Беляев и Алексей Леонов.

С интересом слушали собравшиеся рассказы космонавтов о подробностях их космического полета, задавали множество вопросов.

Выступали не только космонавты. Их приветствовали писатели С. Баруздин и А. Жаров, Н. Рахилло и И. Падерин, А. Барто и И. Стаднюк, Д. Терещенко и С. Поделков...

Покидая гостеприимный Дом литераторов, Павел Беляев и Алексей Леонов унесли с собой подарки — книги московских писателей.

ЛГ интервью

ВОИНАМ НУЖНА ХОРОШАЯ СТРОЕВАЯ ПЕСНЯ

Редакция журнала «Старшина — сержант» объявила закрытый конкурс на лучшую строевую песню. Наш корреспондент попросил председателя жюри конкурса начальника Военно-оркестровой службы Министерства обороны СССР, главного военного дирижера, заслуженного деятеля искусств РСФСР генерал-майора Н. М. Назарова рассказать об условиях конкурса.

— Конкурс на лучшую строевую песню посвящен 20-летию победы в великой Отечественной войне.

Тем, кто примет участие в нашем конкурсе, я как музыкант хочу сказать следующее. Песню создают двое — поэт и композитор. Стихотворный текст должен быть ритмичным, боевитым, насыщенным. Музыка — простой, лаконичной, доходчивой и легкой в исполнении.

На конкурс принимаются песни о героической истории наших Вооруженных Сил, мирных буднях Советской Армии и Военно-Морского Флота, о любви воина к Родине и партии.

Конкурс продлится до 30 апреля 1965 года. За лучшие произведения будет присуждено шесть премий: первая — 500 рублей, две вторых — по 300 рублей и три третьих — по 100 рублей.

На конкурс принимаются песни, не опубликованные в печати и не исполнявшиеся по радио и в концертах.

Произведения нужно направлять по адресу: Москва, К-160, Кропоткинская ул., 19, редакция журнала «Старшина — сержант».

Над чем работает...

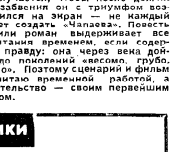
Наш корреспондент позвонил в Варшаву и узнал, над чем работает польский писатель

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

— Я только что закончил роман «Каменные таблицы». Герои его — сотрудник венгерского посольства в Индии. Действие происходит в 1956 году. Я был тогда в этой стране и события, о которых пишу, наблюдал своими глазами. Есть в книге и любовь. Большая любовь, но последнее время на страницах книг встречаешь такие пары, которые только на короткое время оказываются вместе. А настоящая любовь окрыляет, она готова на жертвы, она самоотверженна. Видим духом тот, кто не встречал ее, кто не верит в нее, считая вымыслом поэтов.

Собираюсь написать вторую часть известной советскому читателю повести «Похищение в Гюрлистане» — «Я тоже в Блябоне». Это веселое повествование для детей о дворцовом перевороте в сказочном королевстве. В нем много юмора, приключений и забав. Я думаю, что имею право на такую книжку после двух с лишним лет поистине каторжного труда над «Каменными таблицами».

Во время Фестиваля польских фильмов в Москве вы увидите



картину «Крещенные огнем», поставленную по одноименному роману. Но у меня нет особого пристрастия к кинематографу. Фильм может неплохо, но редко случается, чтобы после долгих лет забвения он с триумфом возвратился на экран — не каждый может создать «Чапаева». Повесть же или роман выдерживает все испытания временем, если содержит правду: она через века дойдет до поколений «вслепо», грубо, зримо». Поэтому сценарий и фильм я считаю временной работой, а писательство — своим первейшим долгом.

ЛГ страница из блокнота

МЫ ПРОГЛЯДЫВАЕМ книги советских прозаиков, поэтов, драматургов, вышедшие в последнее время в центральных издательствах, книги, посвященные писательскому труду, проблемам мастерства, психологии творчества, другим общетеоретическим вопросам. А. Фадеев, К. Федин, Л. Леонов, А. Афиногенов, А. Твардовский, И. Сельвинский, В. Инбер... И еще десяток книг, целое созвездие ярких имен!.. Все это — весомый, ценнейший вклад, вносимый своими писателями в советское литературоведение и критику.

И все же... В длинном ряду столь нужных и интереснейших работ под рубрикой «Писатели о литературе» явно мало выступлений наших собратьев из братских республик. Правда, в республиках издаем на русском языке (то есть адресованы всесоюзному читателю) книги А. Упита, записи бесед с Я. Коласом, весьма содержательные сборники Мухтара Ауэзова «Мысли разных лет», Мехти Гусейна «Могучее содружество», Мирзы Ибрагимова «По законам красоты»... Но тиражи этих книг, как правило, маленькие и знают об этих работах — немногие.

А сколько у мастеров советской литературы важных и своеобычных мыслей, теоретических соображений — о писательском ремесле, о путях развития своих литератур и всей советской литературы в ее национальном многообразии; ими накоплен богатый теоретический и практический опыт, которым они с охотой, увлеченно и углубленно поделились бы (и не раз делились в газетных и журнальных статьях) как с широким читателем, так и с молодыми литераторами — на пользу и тем, и другим.

Дело, видимо, в том, что наши центральные издательства не проявляют должного интереса к книгам писателей из республик на подобные темы.

А такие книги очень нужны!.. С каждым днем все повышается читательское внимание к творчеству литераторов братских республик. Работы этих литераторов, где наряду с общими неизбежно решались бы и специфические проблемы — особенностей и взаимосвязей, взаимообогащения национальных литератур, восполнили бы существенные пробелы в теории многонациональной советской литературы. Ко всему прочему издание подобных книг — одна из действенных форм пропаганды достижений национальных литератур.

Вот по всем этим причинам очень хотелось бы, чтобы наши подборки книг «Писатели о литературе» как можно скорее и как можно «солидней» пополнились бы и книгами советских национальных писателей.

И еще одно...

В свое время были изданы очень полезные сборники «Русские писатели о литературном труде». Пожалуй, стоило бы создать такого же типа антологии, где были бы собраны мысли советских писателей разных национальностей. «Материала» для такой антологии, как говорится, хоть отбавляй!

ЛИТЕРАТОР

Для пользы дела

ТЕМА-ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

На днях открылись специальные двухмесячные курсы писателей, работающих в области историко-революционной темы. Занятия организованы по решению секретариата Союза писателей СССР на базе Высших литературных курсов в связи с приближающимся 50-летием Великой Октябрьской революции и 100-летием со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Слушателям курсов будут прочитаны лекции по философии, эстетике, экономике, литературе. Они получат возможность ознакомиться с ценными архивными документами, с редкими печатными изданиями и рукописями, хранящимися в архивах и музеях. Писатели встретятся со старыми большевиками, участниками трех революций, ветеранами гражданской и Отечественной войн; с учеными-историками, ведущими советскими литераторами, художниками, режиссерами; посетят памятные места, связанные с революционными событиями.

На курсы прибыло 35 писателей из союзных и автономных республик.

На открытии курсов выступили секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков, ректор Литературного института имени Горького В. Пименов, проректор института по высшим литературным курсам Ю. Лапшев и другие.

без полемики

Г-Н ПРОФЕССОР РАСКРЫЛ ЗАГОВОР...

Комиссия по атомной энергии США обнаружила недавно грандиозный заговор, направленный против американского народа. Заслуга в этом принадлежит подмосковной четырнадцати высокоученых профессоров университета в Сиэтле по главе с профессором д-ром Лоренсом Р. Дональдсоном: он же изложил собранные доказательства западногерманскому журналу «Штерн».

Заговор носит международный характер. Его участники внушают человечеству, что будто ядерные взрывы опасны для жизни: они демонстрируют по видимости обнадеживающие, а на самом деле подготовленные кадры в фильме «Мой сын Кане», который привел в ужас миллионы американцев.

«Эта кошмары — стопроцентная фальшивка, — говорит г-н профессор. — Они не имеют ничего общего с действительностью, с тем, что мы видим на атоллах Эниветок и Бикинни».

В самом деле, что же там увидели ученые мужи после 60 атомных и водородных бомб, сброшенных американцами? Разрушение, радиацию? Дональдсон: «Ничего подобного, переходить улицу в Вашингтоне гораздо опаснее, чем подвергнуться радиации. Канада, к черту, от бомбы радиация? «Инвейдж» в Альдах получает вместе с солнечными лучами точно такую же порцию радиации», — оптимистически утверждает он.

Больше того, атомные лучи и полезны столь же, сколь солнечные. Здесь мы переходим к самому интересному.

«ШТЕРН: Появилась ли вновь на этих островах растительность?

ДОНАЛЬДСОН: Там ее столько, что мы едва могли пробраться себе путь при помощи мачете. Растения буйно цветут и плодоносят, и мы даже нашли молодые кокосовые пальмы.

ШТЕРН: Осталась ли животная жизнь?

ДОНАЛЬДСОН: Лагуны кишат рыбами и крабами. Мы видели птиц... Мы нашли и других животных — огромные колонии крыс, которые вероятно перенесли все испытания атомных и водородных бомб; и сами взрывы, и тепловое излучение, и атомную радиацию... Но гораздо важнее, что крысы могут размножаться, причем мы не обнаружили никакие ненормальностей у потомства... Что же касается черепах, то тут их гораздо больше, чем до начала атомных испытаний, в 1946 году».

Итак, команда Дональдсона уделяет всем крохам руины старых островов новую цивилизацию и оставляет в весьма довольном. Вместо обжитых островов — крысино-черепашьи цивилизации...

Стало быть, атомное изучение несет не смерть, но благо — на флоре, так и фауне. Не ясно ли, что Кеннеди совершил антиамериканский поступок, пойдя на заключение договора о частичном прекращении испытаний? Что он пошел на большой обман, скрыв от американского народа столь благостные последствия ядерных взрывов? Что теперь, когда американская армия с таким «успехом» применила отравляющие вещества против южновьетнамского населения, наступила очередь для атомной бомбы в Азии?

Почтенный г-н профессор» примо-такки уколет тех, кто мечтает с помощью оружия создать новый (на сей раз 10 000-летний) рейх:

— Ради бога, взрывайте ядерную бомбочку! Хоть небольшую! Не медлите, спешите!

...Страшная это вещь — крысиночерепашье мировоззрение!

Б. КРЫМОВ

ПАМЯТИ Максима Рыльского

Она — весенних роз расцвет
И поцелуя сладе...
А в дни войны, в годину бед
Она клинком разящим

— такое определение поэзии дал народный поэт Украины, лауреат Ленинской премии Максим Рыльский. Семидесятилетию со дня его рождения был посвящен вечер в Центральном Доме литераторов.

Открывая вечер, Н. Тихонов сказал, что когда поэт широкого и поистине глубокого охвата жизни обладает философским мудрым умом, является автором переводов шедевров мировой литературы и ученым, то это редкое явление. Максим Рыльский был именно таким.

М. Стельмах, А. Лупан, П. Глебка, Н. Зарьян, Р. Рза отметили, что М. Рыльский был одним из самых вдохновенных певцов дружбы народов и обладал высоким мастерством перевода классиков наших национальных литератур.

С теплым словом памяти друга-поэта выступили А. Пронофьев и А. Жаров. В исполнении заслуженного артиста СССР И. Козловского прозвучали любимые песни М. Рыльского.

героическая летопись

ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР

Петр САЖИН

В КОНЦЕ октября 1941 года немцы сняли нашу оборону в районе Ишуни и вторглись в Крым. Сильная, отлично вооруженная, умелая от одержанных побед и предстоящих радостей (фюрер обещал виллы на Черноморском побережье) гитлеровская армия с беспечной наглостью, как вода, прорвавшая плотину, растекалась в трех направлениях: к главной базе Черноморского флота — Севастополю, к Евпатории и Керчи.

Но приказ Гитлера о взятии Севастополя не был выполнен в намеченный срок. Лишь через 250 суток, потеряв убитыми и ранеными 300 000 солдат и офицеров, гитлеровцы вошли в разрушенный город...

До дыры жизнь Севастополя — уютного, симпатичного: белые домики в абрикосовых садочках, исторические памятники — была связана с флотом.

Дни здесь начинались с боя склянок, свиста боцманских дудок и команд: «на флаг и гюйс!»

После подъема флага в городе открывались магазины, парикмахерские, столовые, рестораны, начинались занятия в школах.

В бухтах скользили шестерки — старые марсофлотцы учили шлюпочному делу салаг; от причалов к кораблям сновали посыльные суда.

Гудки, гирлянды, свистки, семафоры между кораблями и берегом. Иногда бухту прорезал знаменитый «сигнал» — катер линкора «Севастополь» с медной до ослепительного блеска надраенной трубой.

Раза два в году эскадра покидала главную базу. Тишина воцарялась в Севастополе. И какой же праздник, какое ликование наступало, когда эскадра возвращалась с учения домой!

Корабли едва показывались на горизонте, а на Приморском бульваре уже полно. Так же было и в субботу 21 июня 1941 года. Накануне эскадра вернулась с моря. На улицах, площадях и бульварах буквально не одного свободного местечка. Моряки в сверкающих формениках и в бескозырках с белым верхом. Луг цветущих ромашек. Смех, музыка, шелест платьев, шарканье ног в танце. До полуночи продолжалось гулянье. А перед рассветом несколько сильных взрывов подняло город на ноги. По радио был объявлен боевой сбор. Не успел диктор сделать объявление, а к Графской пристани со всех концов Севастополя уже бежали сотни людей — офицерский состав кораблей...

Севастополь не был подготовлен к сухопутной обороне: морская крепость могла показать силу, если б враг появился с моря. Увы! Он, как известно, появился с суши!

На медали, выбитой в честь героической обороны Севастополя 1941—1942 гг., два профиля — солдата и матроса. Они символизируют единение армии и флота при защите черноморской крепости. Из всех медалей для меня севастопольская — самая дорогая награда. Но когда я смотрю на этот гипсовый знак, невольно возникает вопрос: почему на медали нет еще одного профиля — большого и истинного героя обороны — севастопольской женщины?

Вся тяжесть строительства первых оборонительных сооружений в течение июля, августа и сентября пала на плечи женщин. Да что там! В течение всей восьмимесячной обороны женщины были землекопами, токарями, ткачами, швеями, оружейницами, сварщиками, каменщиками, штукатурами, санитарками, донорами и прачками. Они превращали в варежки и носки бросовую шерсть, восстанавливали дома, чинили мостовые, водили под огнем звонкие севастопольские трамваечки, стояли за прилавками в магазинах, доставляли почту на передний край, выхаживали детей в подземных детских садах и школах, варили для малышей кашу на смеси шампанского, потому что в городе не было воды: выносили раненых и их оружие, дежурили в госпиталях и на крышах во время бомбежек.

Внучка участницы Севастопольской обороны 1854—1855 годов Мария Тимченко отдала свой домик под солдатскую прачечную; женщины отыскали четыре ведра, поставили на них камни, развели огонь, и пошла работа: четверо стирали, двое гладили и двое штопали. Потом чистое отутюженное белье «душили» одеялом. С камня возле прачечной разбирали это белье бойцы Чапаевской дивизии! Командующий сухопутными войсками, герой обороны Севастополя генерал Петров объявил Тимченко и ее помощницам благодарность.

Капитолина Зарудная, почтальон севастопольского почтамта, прозванная защитниками Севастополя «женщиной-молнией», доставляла письма на передний край. Швея, пошившая не одну тысячу ушанок, рукавиц и портянок из обрезков шинельного сукна, вкладывала в каждую шапку и пару рукавиц записочки: «Дорогой сынок, бей фашиста, не пускай в Севастополь зверя. Тебе шапку шила тетя Паша, мои сыны тоже воюют».

Наталия Басан, Александра Федорченко, Паша Поезд, Михалева, Подойницына, Анастасия Чаус, Надя Кравая, Мария Тимченко, Ефросинья Гуленкова, Евгения Гырдымова, Антонина Сарина... да если б я располагал полным номером «Литературной газеты», и то не назвал бы всех!

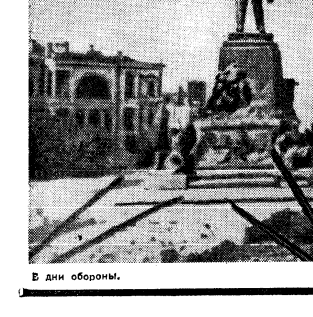
В гитлеровской мясорубке с взятии немцами Севастополя есть такой надир: берег моря, легкая волна перекатывает воду. Вытянувшись в струнку, гитлеровцы отдают честь плывущей на волне бескозырке. Это грубая и оскорбительная инсценировка! Нам хорошо известно, что делали с захваченными в плен черноморскими моряками звери-гитлеровцы!

В Ленинграде в Военно-морском музее хранится бескозырка Петра Рублева. Он ворвался в Севастополь 9 мая 1944 года с первой штурмовой группой и за неимением военно-морского флага водрузил над фронтоном Графской пристани свою бескозырку!

Время кристаллизует события, подобно тому таинственному биологическому процессу, в результате которого в раковине вырастает жемчужина. Бескозырка с точки зрения интендантов — головной убор. А если посмотреть на нее глазами поэта?

Моряки-пехотинцы, переодетые в армейское обмундирование, где бы они ни сражались: под Одессой ли, под Ростовом ли, под Новороссийском или на Кавказе, — всегда носили с собой в вещмешках бескозырку и надевали ее в решительные моменты боев и шли на врага с упорством и неотвратимостью танков!

В Севастополе много памятников, хотя и не больше, чем было героев. Честное слово, я бы поставил еще один — скромный памятник матросской бескозырке! Поставил же на памятнике русному военному моряку Казарскому после войны 1828—1829 годов бриг «Меркурий»! Кстати, именно на этом памятнике начертаны слова, взятые мною для заголовка и этой заметки: «Потомству в пример».



В дни обороны.

Фото В. ТЕМИНА

Герои Севастополя.

Фото Е. ХАЛДЕЯ и А. МЕЖУЕВА

МУЖАЙ, ТАЙГА

Алексей ВЕЛИЧКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НАШ «газик», замедлив ход, идет по деревянному мосту. Слева Алеста — горное Телеиное озеро, справа — бурный каскад истоков быстрой, незамерзающей реки Бии, прямо — поселок Иогач, расположенный на берегу озера, у подножия заснеженных склонов Горного Алтая. Здесь, в этом поселке, живут и работают сейчас кедрогрядцы, с тревожной судьбе, которых не так давно писала наша газета.

Первые встречи, знакомства. Вокруг загадано или открыто кипят страсти, вспыхивают и разгораются споры, возникшие после газетного выступления.

Напомним, чему была посвящена статья В. Чивилихина «Пятилетие Кедрограда», опубликованная 28 января с. г. в «Литературной газете».

Лет пять назад, еще до эмиграции студентов Ленинградской лесотехнической академии, в Горном Алтае был создан первый в нашей стране опытный леспромхоз по комплексному использованию богатств кедровой тайги. Маленький поселок Уймень и прилегающая к нему тайга были отведены общественной малой Кедрограмм. Хотя никакого «града» там не было и нет до сих пор. Но слово это символизировало большое дело. Начиная в тайге, название Кедроград вошло в обиход, запулило воображение и спасение все то, что может погибнуть и часто гибнет, когда лесозаготовители безжалостно вторгаются в кедровники, оставляя за собой бесплодные пустыри.

Прошло пять лет, и многое из этого замечательного замысла осуществилось несовершенным. Все эти годы лесопромхозом велась ярая борьба вокруг Кедрограда, настойчиво заявляя о своем стремлении вгрызться в недровые массивы опытного хозяйства. Интересы «вала» преобладали над интересами науки и кедрового дела, которые кедрограды отстаивали, их осталось здесь только трудящихся, — тринадцать больше, продолжающих отстаивать свое дело.

А в прошлом году был создан новый, крупный опытный леспромхоз, в который влились три хозяйства, в том числе и Уймеиское, и центральная усадьба теперь уже в Иогаче. Автор статьи остро критиковал начальника Главлесхоза РСФСР М. Кочкарева и начальника Алтайского краевого управления лесного хозяйства В. Вашкевича за то, что Уймеиское опытное хозяйство в течение пяти лет находилось в состоянии «прогрессирующего паралича» и теперь все приходится начинать заново. Такого эффекта содержание статьи, публикация которой совпала с таким же тревожным выступлением «Литературной газеты» в прошлом (статья «Выть на Кедрограм»). Все это и побудило вынести сюда специально созданную комиссию корреспондентов центральных и краевых газет.

ПЕРВЫЕ встречи и первые обсуждения. Думалось, что вот сейчас начнется большой, серьезный разговор «заинтересованных сторон» о путях ликвидации «трагедии сибирского кедра», о том, что уже сделано и что нужно сделать для комплексного использования богатств тайги, о том, что позволяет кедрограцам осуществить свою идею и как убрать эти помехи...

Но не так развернулись события, как думалось. Комиссия начала работу и закончила ее с такой ничем не оправданной поспешностью, что трудно было даже разобраться, что происходит вокруг. Ну посудите сами, можно ли было за двое с лишним суток пребывания комиссии в Иогаче и областном центре, Горно-Алтайске подвести итоги пятилетней работы кедрогрядцы и продумать с ними планы на будущее? Можно ли было разобраться в трудных, иногда драматических конфликтах, возникших между людьми, придерживающимися совершенно противоположных взглядов на решение этой государственной проблемы? Конечно, нет!

Возможно, работа комиссии, возглавляемой заместителем председателя Госплана РСФСР В. Гаврилова, прошла так ускоренно потому, что в нее входили только представители заинтересованных ведомств (М. Кочарев — Главлесхоз и Н. Елисеев — Гослесхоз), а от местных работников — представитель крайисполкома. Не было в ее составе ни крупных ученых, занимающихся проблемами кедра и имеющих свое мнение, отличное от ведомственного, не было и представителей ЦК или крайкома ВЛКСМ, заинтересованных в судьбах и перспективах дела молодых инициаторов комплексного освоения тайги. Очевидно, существенное влияние на ход событий оказало и то, что М. Кочарев приехал в Иогач после решения коллегии руководимого им главка, отвергавшего все критические замечания по его адресу. Сказалось на работе комиссии и то, что за пять дней до ее приезда прибыл в Иогач В. Вашкевич и решительно жаловался на обиравших работников и инженерно-технических работников свое отрицательное отношение к выступлениям газет.

Все это определило тон, который, как известно, делает музыку. Мелочное и второстепенное отсекало главное, за словесным сорняком подчас нельзя было уже разглядеть и колосья. Страсти разгорались вокруг, например, таких вопросов: по своей инициативе кедрогрядцы просили перевести их в Иогач или они были «вынуждены просить»; допустимо ли писать, что леспромхоз находится в состоянии «прогрессирующего паралича»; были ли обижены кедрогрядцы грубым обращением В. Вашкевича при распределении должностей в новом леспромхозе или же автор статьи, утверждая это, обидел В. Вашкевича; «третьестепенную» ли должность получил В. Парфенов или первостепенную?.. А так как ответы на эти вопросы давали представители критикуемого ведомства, то, естественно, все ответы были ему на благо.

Все это помешало по-деловому обсудить критические выступления газет. И получилось так, что М. Бочкарева и В. Вашкевича кое-кто из услужливых людей благодарил за «отеческую заботу», и они, не дрогнув, принимали это как должное. А какая же это забота, если они отвели под рубку самые лучшие кедровые массивы в урочищах Нырна и Еланда? Если они за пять лет не нашли для опытного леспромхоза хорошего руководителя? Если они не отпускали кедрогрядцам средств на опытные работы, да и не требовали вести их? Если они не создали для научно-исследовательских работ лаборатории и до сих пор не дали Горно-Алтайскому леспромхозу технического проекта, без которого не может существовать ни одно предприятие?..

Кедрогрядцы же по своей инициативе и своими силами кое-что существенное все-таки уже сделали. Разрабатывая проекты восстановления кедровников саженцами, а не посевом семян, ускорили выращивание сеянцев с двух лет до одного, ввели новый и перспективный способ рубки леса, реконструировали завод для производства хвойной муки и т. д. И все-таки им было сказано: мало сделано, не хотели поработать!

А председатель комиссии В. Гаврилов направил в редакцию письмо, в котором сказано:

«Пересмотрев в ходе работы с работой Горно-Алтайского опытного леспромхоза, а также всесторонне разъяснив обстоятельства и материалов статьи «Пятилетие Кедрограда» на расширенном заседании партийного руководства с привлечением актива и на бюро Горно-Алтайского обкома КПСС сказано, что многие вопросы в статье необъективно отражают действительное положение дел предприятия, жизнь и работу коллектива и роль Главлесхоза РСФСР и Алтайского управления лесного хозяйства в его деятельности».

А ТЕПЕРЬ, в порядке комментариев к этому суровому заключению, разрешите привести некоторые записи из блокнота, сделанные во время работы комиссии. Оговоримся заранее, что здесь приведены только строки, свидетельствующие об одной тревожной тенденции, выявившейся в процессе спора вокруг выступлений газет. Она-то, собственно, и побуждает нас вновь выступить сегодня. А тенденция эта — объявить весь разговор о Кедрограде болтовней и, прикрыв, развенчать романтику Кедрограда...

Иогач. Секретарь парторганизации леспромхоза тов. Трунов пригласил на заседание бюро небольшую группу работников и комиссию. Выступает в прениях В. Вашкевич: «Статья Чивилихина — газетная шумиха. Она вредна, как и его книга «Пятилетие тайги, шумит». Эта повесть принесла государству ущерб в один миллион рублей». Лесорубы, незнакомые с литературным процессом, негодуют, другие усмехаются. «Точно!— поддерживает Вашкевич. — Миллион. Сам подсчитал».

Не переменяется и с кедрогрядцами: «бездельники», «болтуны», «ребятишки»... Выяснилось, что Трунов еще до бюро «взял в работу» двоих из основателей Кедрограда — Парфенова и Шевкопляса, а вот теперь на бюро на них накладывают взыскания. Парфенову за подмену в комсомольской организации и неправильную информацию общественности. Оказывается, он «самовольно», без официального поручения, а по своей инициативе вел переписку с московским штабом молодежи, помогающим Кедрограду. (Этот штаб после критического выступления в «Комсомольской правде» руководство леспромхоза не признает, хотя часто обращалось к нему и добывало через него в Москве дефицитные материалы.) Обвинение же в дезинформации основывается на том, что раз переписывался В. Парфенов со штабом и писателем, то, значит, и выступали они по его информации, хотя представители штаба частенько приезжали сюда, а В. Чивилихин этим летом лет бывал здесь ежегодно и сам изучал положение дел на месте.

П. Шевкопляс пришлось совсем плохо. Он, видимо, желая иметь объективный отчет о том собрании, которое было до приезда комиссии, установил магнитофон. Правда, магнитофон не использовано, но пленка-то записал, но попытка эта, может быть, и не очень этически верная, была расценена как «шпионский метод», и ему вынесли строгое взыскание.

После партсобрания, которое закончилось до рассвета часу ночи, одни из корреспондентов зашел к Виталию Парфенову и пригласил его к нам на беседу. Он отказался. Тогда мы, четыре корреспондента центральных и местных газет, пришли к нему домой. Парфенов был растерян:

— Я не могу говорить с вами.

— Почему?

— Секретарь партбюро Трунов запретил мне разговаривать с корреспондентами. Только в его присутствии...

Вон ведь до чего дошло!

Горно-Алтайск. В 7 утра на следующий день мы уже на ногах. Комиссия спешит в Горно-Алтайск, захватив с собой даже неперепечатанное на машинке и, конечно, необсужденное и неутвержденное на партсобрании решение бюро.

В Горно-Алтайске Вашкевич вновь ошарашил собравшихся сообщением о «миллионном убытке», который якобы нанесла повесть В. Чивилихина. И на сей раз это не вызвало возражений. А Бочарев сказал о кедрограцах так: «Они устроились на теплые местечки. (Это в тайге-то?) А мы их пошлем поближе к земле, к лесу». Прозвучало это угрожающе.

Барнаул. Маленькая пресс-конференция. Семь корреспондентов центральных и местных газет беседуют с комиссией и заинтересованными специалистами. Комиссия рекомендует корреспондентам, если они еще будут писать о Кедрограде, выступать спокойнее.

В. Вашкевич. — И если можно, не упоминайте больше слова Кедрград.

Ясно: победа, так победа!

Спрашиваем М. Бочкарева:

— Как понимать ваш лозунг для кедрогрядцев: «Вперед к земле, к лесу»? Будете убирать их с так называемых теплых местечек?

— Нет, если будут хорошо работать.

— Нас волнует судьба тринадцати. Это ядро леспромхоза будет сохранено?

Пожатие плечами:

— Это зависит не только от меня...

Короткий разговор после пресс-конференции в краевом партии. Сообщаем о наших опасениях и нездоровой обстановке, создавшейся вокруг 13 кедрограцев. Рассказываем о несправедливых, на наш взгляд, взысканиях, наложенных на двух из них.

— Ну, это можно поправить! — отвечают нам. — Погорячились!

Опять встречаемся с В. Вашкевичем. Требуем объяснений по поводу «миллионного убытка». Он улыбается.

— Ну, это я погорячился... А все-таки были ведь такие примерно расходы на командировки в Кедрград студентов и специалистов, на прокладку дороги, расширение поселка.

— Но ведь не писатель строил Кедрград, а вы... И расходы-то все оправданы! И материально, и морально Кедрград себя окупает!

Погорячились, оказывается, и в том, и другом случае — только и всего.

А комиссия улетела в Москву.

И ВОТ в одном из кабинетов правительственной инстанции Российской Федерации комиссия докладывает о результатах своей работы. Здесь-то и проявился правительный повод — рот на пользу дела. Председательствующий потребовал доложить, что будет сделано, чтобы навести порядок в леспромхозе. Как будут обеспечены опытные работы и каков план этой работы? Сейчас-то? Научная лаборатория? Проектно-техническое задание? Привлечение ученых к работе леспромхоза? Предложено в пятнадцатидневный срок представить конкретные деловые предложения.

Прошло дней десять после этого. Узнаю, что состоялось расширенное заседание коллегии Главлесхоза с участием ученых. Коллегия рассмотрела и утвердила план работы на 1965 год и перспективный план развития Горно-Алтайского леспромхоза на 1966—1970 годы. Отрадная весть! Обрачается она, правда, одним, ничем не оправдываемым обстоятельством: на заседание не пригласили ни одного из основателей Кедрограда. Почему же пренебрегли мнением и планами инициаторов и организаторов этого дела? Не сказалось ли в этом стремление «развенчать» их?

Жаль также, что над таким планом — а каков он, пусть судят специалисты! — начали работать только сейчас. Но лучше бы он был полезен! Лишь бы его не постигла судьба технического проекта «старого» Кедрограда, созданного ранее усилиями сотен специалистов и нескольких научных учреждений, который так и остался невыполненным.

И ВСЕ ЖЕ хочется верить, что здравое, хозяйское, заботливое отношение к чудо-дереву, к решению большой государственной проблемы сибирского кедра наконец-то восторжествует и будет мужать и крепнуть тайга, жить и здравствовать Кедроград.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ — МОСКВА

ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ...

В. СУХАРЕВИЧ

НЕТРУДНО доказать, что таинственные торжества выражают самые благородные духовные потребности советских людей. Почти ежедневно газеты сообщают: родился человек, и колхозники устроили окторины; достигнут высоких показателей труда заводских рабочих, им торжественно, с мудрым напутствием вручили паспорта ветераны революции, герои труда; женятся молодые люди, и во Дворце культуры веселая комсомольская свадьба. Повсеместно идут самые разнообразные общественные праздники в честь личного счастья советского человека.

У нашего общества уже сложились свои мораль, свои традиции труда, общественной жизни, свои правила быт. Пришла, видно, пора подумать, верно ли прагматика в честь личного счастья. Ведь если и в прежние времена крестины, именины, свадьбы были торжеством не одного, а многих людей, то нынче, когда коллектив — хозяин жизни, он просто обязан отметить и порадовать достойного человека: поздравить его с рождением ребенка, с вступлением в брак, со славным юбилеем — иначе плохой он хозяин.

В каждом коллективе, в каждом городе и колхозе такого рода праздники устраивают по-своему. Но вот беда — при всей непродуманности самого ритуала, из-за недостатка опыта и воображения у некоторых распорядителей в торжестве мало торжественного, праздник получается будничным, в речах нет той теплоты, искренности, без которых никак не обойтись на свадьбе или крестинах.

...Праздник не простое дело. В ранней детстве мне пришлось выполнять роль в храме. Старинный русский праздник — пасхи, на которой обычно справляюсь свадьбы. Хотя в ней не было ритуала, вплоть утешение, — прежде всего, даже самые наиболнённые, посылали пышную тарелку с куличами, яйцами, реальные воды, где жила бабка Таранка. Произнеся так, бабка была главным церемонийместром на всех почти кугорских свадьбах. Она запевала тоненьким голосом ритуальные песни, которые должна петь невеста с подругами. Таранка знала, кому в пенки быть первым, кому ручник вставать, как вступать на конвин и как держать венцы над головами молодых. Под ее мерные руководством цветами украшался свадебный поезд, осыпали хмелем и зерном молодых на крыльце. Еще в передней комнате, в ожидании торжества, молодые и их гости шумели и пьянели. Но вот прозвучала торжественная музыка, во всю ширь распахнулись обе створки горсовой двери и молодых пригласили в зал. Встав на пушистый ковер в центре зала, молодые люди притихли, застенчиво, оглядеть невеста, и с лица жениха слетела усмешка. Хмурые амуры глядели на них с потолков старого особняка. За столом в строгих костюмах стояли депутат сельсовета райсовета Николай Николаевич Белов и заведующая дворцом Анна Степановна Малянникова.

С простотой и сердечностью, тоном старшего друга и товарища заговорила женщина о любви и счастье, о священных обязанностях, которые налагает брак, — взаимном уважении, верности, готовности ко всяким испытаниям. Музыка, ликующая музыка заполнила зал.

Превосходно провела бракосочетание Анна Степановна Малянникова! В тоне, в позе, в задушевности каждой интонации узнавалась бывшая учительница, которая и здесь дала урок жителям мудрости, вложив в него частицу своего сердца. После нее поздравление депутата показалось мне несколько суховатым и официальным.

А риторическое мастерство здесь крайне необходимо! Ведь не служитель бога, а человек обращается здесь к человеку от имени общества в торжественный и памятный момент. И у него не только право, но и обязанность, и долг, и необходимость разговаривать с широкими обобщениями, не прибегая к словам будничным и затертым. Но в том напутствии, что я услышал, и в других вариантах ритуала, которые мне показали, слова о любви, радости и счастье еще не обрели поэтической силы, афоризмы — глубины, гражданские мотивы полнозвонного звучания. «Помните, что глубокая, удовлетворенность личной жизнью делает человека более сердечным и жизнерадостным по отношению к своим близким и окружающим вас людям». Верная мысль, но слова казенные, их и опытному оратору нелегко произнести. В одном из вариантов я нашел гражданские мотивы, которые безусловно нужны при запечатлении этого акта гражданского состояния. Но как они неудачны! «Семейное основание создает силу и энергию в творческом труде на благо Родины».

Конечно же, здесь совершенно неуместны митинговые слова!

И потом, мало написать и выучить наплучшие слова, — обязательно нужно, чтобы произносящий их человек обладал ораторским и артистическим талантом. Вторая свадьба, которую я видел в том же дворце, прошла куда менее торжественно, потому что и представительница дворца была более официальной, и музыка была не та. Согласитесь, что «Танец маленьких лебедей» из балета Чайковского не особенно удачный аккомпанемент к такому роду акту.

Все это лишний раз подтверждает, как необходимо участие муза в торжественном бракосочетании. Попытка привлечь их была сделана еще при открытии дворца. Но и музыка композитора Сорокина оказалась неудачной, и стихи... Впрочем, вот они:

С днем чудесным поздравляем,
Долго здравствовать желаем.
Мы желаем всей душой
Дожить до свадьбы золотой...

Такое не стала бы петь даже бабка Таранка!

К счастью новобрачных, сей гимн исполнялся, кажется, только один раз. А ведь и новобрачные, и их гости, и сами стены величественного дворца требуют хораловых, свадебных маршей, торжественных увертюр. Записанные на пластинки и магнитофонные ленты, они сделают эти праздники по-настоящему торжественными, зададут тон всему ритуалу, который, став эстетически совершенным, будет по-человечески волнующим и прекрасным.

...Мне рассказывали, что торжественная регистрация новорожденных проходит всюду в Ленинграде превосходно. Вероятно, мне не повезло. Я пришел днем в Кировский дворец культуры задолго до обряда. Заведующая Василеостровским загсом Лидия Яковлевна Григорьева препиралась с матерью новорожденного. Женщина не желала — были, видимо, у нее свои интимные причины — участвовать в торжестве.

— Надо было раньше думать! — гневалась заведующая.— Вы, что, мать одиночка? В чем дело?

Я не могу воспроизвести здесь все, что сказала мать в ответ, но понять ее было нетрудно. С оскорбительным высокомерием разговаривала с ней заведующая.

Вручение медали Лидия Яковлевна провела в стремительном темпе. Депутат Михеева Надежда Ивановна прошептала: «Поздравляю», и сразу же одна из присутствовавших сказала с ойой:

— Ничего торжественного у вас тут не было!

И она была права. Это не первая такого рода жалоба. В «Ленинградской правде» я прочел статью П. Шибаевой, лектора Выборгского райкома КПСС. «Праздник в будни», в которой она резко поставает против нацеленного на формализма в новых обрядах: «Людей, которым вменяется в обязанность поздравлять счастливых пап и мам, назначают в райисполкоме и не всегда при этом задумываются, а каждый ли может выполнить это не совсем обычное поручение. Слушаешь иной раз представителя райисполкома и не знаешь, куда от стыда деваться. Читает он по бумажке, монотонно, спотыкается через два слова на третьем и даже улыбнуться не может».

Выходит, не я один — многие были свидетелями и участниками торжеств, испорченных по незнанию, неумению, из-за плохой подготовки. Кстати, не только ритуал, но и самое вручение медали новорожденному с надписью «Родившемуся в Ленинграде» мне представляется спорным. За какие заслуги вручается медаль младенцу? Зачем? Говорят, на потомкиа. Но ведь мы и без медали — патриоты своего города. Да и какие преимущества должны быть у младенца, родившегося в Ленинграде, перед его сверстником из Рязани или Калуги...

НОВЫЕ обряды создаются всюду, и почти повсеместно учреждены комиссии при горсоветах и партийных органах. В Ленинградском горкоме КПСС меня познакомили с предложениями такой комиссии, очень обстоятельными и дельными. В них рекомендуется провести конкурсы на платья для жениха и невесты, сделать в загсах приятные возвышения, на которых они должны стоять, заказать песни поэтам и композиторам. Возвратясь в Москву, я был на заседании культкомиссии Моссовета, и здесь шел спор по вопросам организационным и практическим — о магазинах новобрачных, где провожать людей в армию... Все это, конечно, очень важно. Но ведь нерешенным остается главный вопрос — не где будут проходить различные торжества, а как они будут проходить.

И для того чтобы решить эту важную проблему, совсем не нужно создавать много комиссий, а надо, вероятно, создать одну, но такую, которая обобщит удачи и достижения множества различных праздников, привлечет писателей, драматургов, композиторов к созданию новых обрядов, будь то бракосочетание или проводы в армию, день рождения или торжественное вручение паспортов. Ведь главное в ритуале — его неизменность. Множество вариаций может и должен создать народ, опираясь на бытовые и национальные обычаи, но первоосновы обряда должны выработать не канцеляристы из загсов, а талантливые художники в порядке широкого конкурса. Тогда можно будет отобрать один, самый простой, ясный и совершенный ритуал с волнующим действием, мудрым словом, хорошей музыкой и песней. И не надо забывать самой главной особенности такого рода праздников — их устраивает общество в честь личного счастья человека, и ему в этот день государство и народ должны дать мудрое напутствие — в жизнь, в зрелость, в семейное счастье — и такое, чтобы он надолго его запомнил и всегда был достойным гражданином своей Родины.

Заметки художника

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ БЛОК

Илья ГЛАЗУНОВ

— ВЫ ТАК любите Блока и не были в Шахматово?

— Ну как же, Шахматово — усадьба Блока. Я мечтал побывать там. Но это, кажется, где-то очень далеко?

— Да что вы — это совсем близко под Москвой: час езды на электричке до станции Солнечногорск, а оттуда рукой подать — километров 20 — на автобусе, — сказал мне работник литературного музея Виктор Сергеевич Молчанов, фотограф-художник, тонкий знаток памятных мест русской литературы.

И БОТ в ближайшее же воскресенье, вместе с нашим гидом Виктором Сергеевичем, оставив позади станцию железной дороги, мы шагаем по ухабистому лесному проселку, ведущему в Шахматово.

По этой дороге верхом и в старинной дорожной коляске множество раз ездил великий поэт.

Чем дальше от станции, тем глуше становится лес, пронизанный косыми стрелами солнечных лучей.

И невозможное возможно,
Дорога долгая ведет...

Кругом ни жилья, ни людей... Тишина до звона в ушах. Казалось, что время остановило свой стремительный бег, чтобы сохранить в неприкосновенности этот глухой и забытый уголок земли, где Блок навсегда был обвенчан со своей невестой — Россией.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Свернув вправо от дороги, едва заметной тропой мы выходим к небольшому холму, заросшему клевером, над которым в искрящемся ореоле воздуха золотыми огоньками дрожали бабочки.

— Вот эти три старые березы, конечно, помнят Александра Александровича, — все, что осталось от аллеи, которая некогда вела к усадьбе, и дорога-то, видите, заросла травой.

Мы идем по бывшей аллее.

— Вот видите там, на вершине пригорка, где кусты и огромный старый тополь, — там стояла дом Блока, — говорит Виктор Сергеевич.

Мы входим в дикий цветущий сад, кажущийся островом среди бесконечного моря полей с темными берегами лесов.

Долго и безуспешно искали остатки дома. Наткнулись на огромный, почти нетронутый стволом тополя. Мы решили, что дом был там, где особенно много сирени:

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в упоительный день.

И еще:

...По голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которой тонет старый дом.

Виктор Сергеевич сокрушенно сказал: «С каждым приездом все труднее ориентироваться. Еще после войны здесь таких джунглей не было». На счастье, словно из-под земли появились двое белоголовых мальчишек, у одного глаз словно забрызган жаркой кровью, все в веснушках. На наш вопрос, не знают ли они, где находился старый дом, они уверенно показали на силосную яму невдалеке от тополя.

— Вот эта яма и есть на место дома, где жил Александр Блок, — бойко сказал веснушчатый мальчишка. — Мне отец говорил и учительница в школе про писателя Блока рассказывала, — подумав, добавил он.

— Нет, я чувствую, нам нужно идти в Гудино, с километр отсюда — сказал Виктор Сергеевич. — Это деревня всегда проезжал Александр Александрович, когда ездил в Боблово, к своей невесте.

Ведь имение Дмитрия Ивановича Менделеева, ее отца, в семи верстах от Шахматова. Кстати, вы, наверное, знаете, что в Бонн, профессор Петербургского университета Бекетов, приехав в гости к Менделееву, так был пленен красотой открывающихся отсюда далей, что купил Шахматово чуть ли не на последние деньги.

Да, действительно, нужен язык живописи или поэзии, чтобы описать эту бесконечную русскую даль, открывающуюся с холма, где стояла усадьба Бекетова.

Только ль страшный простор
пред очами,
Непонятная ширь без конца.

Блок, чтобы видеть всегда во время работы бескрайнюю ширь любимых просторов, перестроил второй этаж дома и перенес туда свой рабочий кабинет, откуда видел, как, обрамляя дорогу, лежит широкой полосою дальних туч, выкатывается узкий край красного солнечного диска, и вспыхивает все золото лесов, все серебро речных ив

Въезд в Шахматово

ПИСЬМА

РАДЫ СООБЩИТЬ

Уважаемая редакция!

В нашем городе книжный магазин находится в старом амбаре. Когда меня послали работать продавцом, я дал себе зарок сделать книжный магазин настоящим очагом культуры. В прошлом году Калужский облпотребсоюз выделил деньги, утвердил проект нового современного магазина, а горсовет отвел для него земельный участок в центре города.

Очень трудно было найти организацию, которая взялась бы за строительство. Тогда я обратился с призывом к общественности.

Продавец книжного магазина Спас-Деменского райпотребсоюза Л. ТРЕНИН

Калужская область

ОТ РЕДАКЦИИ

Наш корреспондент ознакомил с письмом продавца Л. Тренина председателя правления Райпотребсоюза тов. Денисова М. М.

— Пользуясь случаем, — сказал он, — хочу отметить, что тов. Тренин, судя по всему, человек неравнодушный, инициативный, творческий. Побольше бы таких продавцов в нашей книжной торговле! Что не касается просьбы тов. Тренина, то можете написать ему, что помощь будет оказана.

Тов. Денисов дал указание отгрузить необходимые для строительства магазина материалы. Мы рады сообщить об этом тов. Тренину и всем, кто помогал строить магазин.

Хорошее дело всегда найдет поддержку!

□

ФАБРИКАМ НАДО ПОМОЧЬ

Дорогая редакция!

Беда у нас в коллективе... Одна за другой поступают на фабрику рекламации. Никогда такого не было. Многие годы картон, который выпускает наша фабрика для книжных издательств Москвы и Ленинграда, пользовался доброй славой. А теперь — брак: не соблюдаются установленные стандарты на толщину.

Дело в том, что толщина листового картона измеряется микрометрами-толщиномерами «Ти-боо». Наши приборы выпали из строя, а достать новые негде.

Обращаемся за помощью к вам.

По поручению коллектива партонного цеха фабрики имени Калинина Волго-Вятского совнархоза — Соловьев, Либеров, Суворова, Яблочков, Лисин.

пос. имени Калинина,
Горьковская область

ОТ РЕДАКЦИИ

Большие трудности из-за отсутствия этих микрометров испытывает не только фабрика имени Калинина, но и многие другие предприятия. До недавнего времени их выпускали в Киеве экспериментальные производственно-механические мастерские Украинского НИИБА. Государственный комитет по лесной, целлюлозно-бумажной промышленности решил прекратить выпуск этих приборов, потому что конструкция их устарела. Институту дано задание усовершенствовать конструкцию. Как сообщил нам директор института, для модернизации прибора потребуется не менее двух лет. Как же быть? Может быть, целесообразнее изготовлять пока толщиномеры старого образца и одновременно разрабатывать новую конструкцию? Что думают об этом в Госкомитете?

новости

«ПЛЕМЯ МЛАДОЕ»

П. РЫЛЕНКОВ

ШИРОКИМ КРУГАМ советских и зарубежных читателей Мухтар Ауэзов известен прежде всего как автор замечательного романа «Путь Абая». Все остальное его творчество, богатое и разнообразное, как бы обрамляет этот роман, раскрывает тот духовный опыт художника и общественного деятеля, который позволил ему создать эпопею о великом просветителе казахского народа, показать в нем лучшие национальные черты в связи с высшими общечеловеческими идеалами, идеалами братства и дружбы народов, полного освобождения личности как от социального гнета, так и от пут предрассудков и перегородок.

Теперь мы знаем, что, по замыслу автора, роман «Путь Абая» был только первым звеном в цепи произведений, долженствовавших показать своеобразие исторического пути казахов к социализму.

Грандиозному замыслу писателя, поставившего перед собой поистине титаническую задачу, не суждено было осуществиться.

Словно предчувствуя приближение поровых сроков. Мухтар Ауэзов в последние годы жизни упорно работал над романом о современности, который должен был стать зеркалом, позволяющим воочию увидеть и проверить воплощение тех человеческих качеств и моральных принципов, во имя утверждения которых боролись лучшие люди народа.

К сожалению, этот роман остался незавершенным.

Мы имеем только первую его часть, да и то не получившую авторского благословения в путь. Взволнованный чтением, прибавивший своему новому детищу особое, этапное для себя значение, не торопился расставаться с ним. Не будем гадать — что не удовлетворяло в нем автора. Уже в том варианте, который опубликовал журнал «Дружба народов», роман, носящий поэтическое название «Племя младое» и заставляющий вспомнить бессмертные стихи Пушкина, представляет собой незаурядное явление в многонациональной советской литературе.

Обращение к Пушкину для Мухтара Ауэзова отнюдь не случайно. Оно свидетельствует о его глубинных связях с лучшими традициями русской художественной культуры.

Роман «Племя младое» пленил и покорил меня той высокой гражданственностью, которая позволяет смотреть прямо в глаза самой суровой правде жизни, той взыскательной любовью к своему народу, которая обязывает подняться над всеми национальными предрассудками.

Действие романа развертывается по двум основным «линиям»: борьбы человека со стихийными силами природы — преодоления пережитков феодальных отношений в современном быту. Линии эти все время пересекаются. Да иначе и не может быть. Успешно и до конца противостоять злым стихийным силам природы может только тот, кто в себе носит чувство человеческого достоинства — достоинства человека нового мира, — уважает его в себе и в других.

Мне трудно судить о специфически казахских бытовых проблемах, но мне близок и дорог гуманистический пафос романа.

Вряд ли кого оставит равнодушным трогательно чистый образ дочери солдатской вдовы Айсулу, чья благородная девичья гордость противостоит разнузданной гордыне воспитанного в байских традициях Сагита.

Чтобы заставить Айсулу покориться и выйти за него замуж, Сагит готов на любые преступления. Рассчитывая благодаря родовым связям на полную безнаказанность, он бросается с ножом не свою избранницу, когда она отвергает его притязания, убивает ее брата, когда тот пытается спасти сестру от насильственного увоза.

На «дне» Сагита» Мухтар Ауэзов разоблачает все косные силы, мешающие становлению нового человека.

В романе эти силы терпят в конце концов поражение, но читатель ясно видит, что бороться с ними нелегко и что борьба еще не окончена.

Больше всего удались Ауэзову те страницы, где он показывает, как распрямляется и вырастает человек, сознательно и целеустремленно преодолевший разрушающие стихии, чувствующий свою личную ответственность за общее дело. Воля к победе удесятеряет силы людей, делает их героями. Таковы партийные и советские работники Алим Ермиров и Жарасов, таковы старые чабаны Косай и Ажибай, таков юноша-практикант Медет.

В схватке с приносящим не степные просторы беду злым ураганом проявляются лучшие человеческие качества. Они не только спасают народное богатство, — они утверждают моральную красоту советского человека.

Лучшие из посвященных им страниц написаны с джеклондоновской силой. Пример тому — гибель Медета, встреча с ним романтической охотницы Сагадат.

В центре романа стоит секретарь одного из южноказахстанских обкомов партии Нил Карпов. Это партийный работник ленинской школы, имеющий большого жизненного опыта и душевного обаяния, из тех, кто знает, что настоящий руководитель не тот, кто высокомерно считает себя обязанным думать за народ, а тот, кто думает вместе с народом и для народа.

В романе ему отведено не так много места, но его присутствие чувствуется везде и всегда в самой гуще решающих событий.

Этот образ не просто дань уважения писателя-интернационалиста русскому народу, он—живое выражение братских связей и дружбы народов.

В заключение мне хотелось бы сказать, что оставшийся незаконченным роман нигде не производит впечатления черновика. Каждая его страница, где органически сочетаются суровая романтика и нежный лиризм, мягкий юмор и гневная сатира, свидетельствует о высокой зрелости большого художника, ушедшего от нас в полном расцвете сил...

Мухтар Ауэзов. «Племя младое». Роман. Перевод с казахского А. Пантелеева. Журнал «Дружба народов», № 1, 1965.

ВРЕМЕНЕМ ПРИЗВАННЫЕ

Н. ВЕЛЕХОВА

НА СЦЕНЕ — Шолохов, его образы, краски, яркая народная речь, краски. Высокая и одновременно суровая поэзия определяет спектакль Московского театра имени А. С. Пушкина. На сцене не натуральная деревня, не хутор, не имитация зеленых лугов. Перед нами целина земли — как часть необъятного мира. Она велика, но велика не размерами; на сцене образ величия земли. Эта целина как бы уходит в бескрайность, она тверда даже для глаза, заскорузла, упрямо выпугта. И в своей непоступности красива.

Крой нас небо, мать сырая! Самой высшей точки его лишь вняв прямыми лучами потоки света. И в музыке суровое величие и сдержанная сила. В ней ритмы высоких, крутых дорог. В ней мотивы и образы русской природы.

Постановщик «Поднятой целины» В. Равенских, композитор Б. Мокроусов и художник Е. Коваленко мыслят согласно. Суть и события романа переводятся ими в драматическое действие укрупненным поэтическим языком театра. Поэтический стиль здесь не сложился, он — выражение больших и глубоких мыслей, рожденных романом. Это прежде всего мысль о высоком историческом призвании и подвиге человека. Эпоха революционных событий вырастает в обобщенный символ времени, когда все личное уступает и душе человека место общественному, когда он становится способным к свершениям, превосходящим его силы.

Внимание режиссера в спектакле сосредоточено не только на борьбе против классовых врагов, которых представляют Половцев, Островцов и Ляпьевский. Не соблазнился он и «выигрышными» образами Щукаря или Лушки. Яркость и сила красок спектакля возникают за счет сущности подвига Давыдова и Нагульнова. Люди высокого чувства долга, люди подвига, истинные коммунисты, они ищут пути к духовному миру человека, они помогают крестьянину найти силы, чтобы перешагнуть чувство собственности. Моральная сторона деятельности коммунистов раскрыта в спектакле. Коммунисты Давыдов и Нагульнов многого требуют от человека, но они и сами не щадят себя. В этом — глубина и человечность трактовки режиссера.

Через образ Давыдова прокладывает режиссер путь главной темы, Давыдов играет Ю. Гончарик. На эту роль взят актер скорее тонкого, чем сильного темперамента, и задача, к которой идет герой, решается во всей ее человеческой сложности. Мы верим, что этот гуманный Давыдов не будет «завинчивать гайки». Во имя спасения сына Давыдов прежде всего не жалеет самого себя, оттого его твердость человечна. Вспомните прекрасно исполненный Горобцом монолог о детстве: «А они нас жалели? Моего отца... сослали в Сибирь... У матери нас четверо... Нечего было кушать, и мать пошла... вы смотрите сюда! — Пошла на улицу мать...». Режиссер вносит в роль патетику, когда перед любовной сценой объяснения с Варей ведет Давыдову, шагающему по целине, звучит песня хора, уравнивая в борьбе русском солдате. Гибель Давыдова прямым поэтической ассоциации режиссер сравнивает с гибелью героев в боях Революции.

Нагульнов — характер, в котором романтическое и земное как бы сплавлены воедино сама жизнь. Безграничная вера в то, что подлинное призвание человека — изменять мир к лучшему, делает Нагульнова — А. Кочеткова рыцарем идеала, не знающим скепсиса и сомнений. Но в своих увлечениях Нагульнов и простодушен, и даже наивен. Этот контраст можно истолковать поверхностно. В других спектаклях я видела Нагульновых, которые как бы чуть-чуть посмеивались над своей увлеченностью. И меня поражала тонкость игры актера, который делает Нагульнова безгранично далеким от шутливости, от иронии. И лишь в атмосфере заурядной, житейской может возникнуть улыбка над его одержимостью.

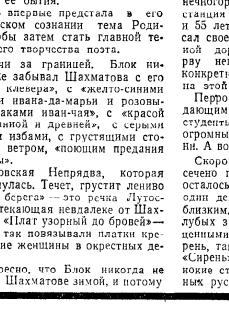
Чубатый, резкий, утловатый Нагульнов Кочеткова таит в себе огромную силу духа. За кажущейся прямолинейностью этого характера обнаруживается поэтичность, за наивностью—ум, за грубостью—патетика. Все в этом образе будто противоречит друг другу, и все создает цельность. Это не искусственные краски, это черты самой жизни, которые щедро давала действительность двадцатых—тридцатых годов.

Для полного раскрытия великолепных фигур Нагульнова и Давыдова важно их соотношение в спектакле с фигурами колхозников — Устина (В. Абрамов), Шалого (С. Бубнов), Майданникова (И. Орлов) и Дубцова (С. Бобров). Это резко и точно очерченные типы. Они одновременно и просты, и укрупнены. Это Россия, Русь на рубеже социалистических преобразований.

Интересен и глубок задуманный режиссером эпизод столкновения Устина с Давыдовым. Какая цель у режиссера, когда Устин обвиняет свою спину перед Давыдовым, которого сам же Устин довел до отчаяния и которому теперь предлагает «ударить»? На спине Устина — следы николаевских нагаек. Но ведь Давыдов—Горобец никогда не ударил бы. Цель театра другая, цель — сам Устин: даже таким мешает участию социализма, даже битым царскими нагайками.

Народ в спектакле показан правдиво, смело и в неприглядном, грубые минуты деревенской жизни, и в контрастной к ним патетичности: на пахоту идут, как на борьбу, косить идут, как на защиту поля от врага. Отличен финал акта: снег косьбы разрастется, завьюжит, перейдет из натурального в поэтический звуковой образ. Это — правда борьбы. Это — защита земли, Родины. Ее вели коммунисты. За это высокое чувство гражданственности ценишь спектакль и забываешь о его неровностях, о «перехлестах», свойственных Борису Равенских.

Говорят, что художник, умеренный в недостатках, таст так же умерен в достоинствах. Яркость, неумеренность, темпераментность — это сфера, в которой в искусстве родится большие мысли, потому что с ними связано волнение души.



Она помнит Блока...
Рисунки автора

лучии, все окна дальних деревень и все кресты на крамах».

Недалеко от дороги в Гудино, в кустах, на поваленном ветрами стволе могучей ели, серебряный от времени, с зелеными лоскутьями словно истлевшего на нем драгоценного бархата мха. Увидев эту поверженную ель, Блок написал одно из своих самых ранних стихотворений.

МАЛЕНЬКАЯ деревня Гудино утопает в белоснежном цветении яблонь. Хозяйка одного из домов, куда мы обратились, пожилая женщина, вытирая руки о передник, очень приветливо ответила на наш вопрос, что Блока помнит только один человек в деревне—Анна Ивановна Малинина, которой 84 года и которая живет через два дома от нее.

Изба Анны Ивановны, как тысячи других изб русской деревни: фотографии многочисленных родственников, кровать с горой избитых подушек в цветастых ситцевых наволочках, в углу икона в вешнике из запылившихся бумажных цветов.

— А вот мой мамаша, она вам все расскажет, вы у нее поинтересуйтесь про старое житье-бытье, — сказал нам Сергей Тимофеевич, загорелый, лет 50-ти мужчина, в расстегнутой на груди тенниске, который нас и пригласил в дом.

Анна Ивановна с лицом многострадальной русской матери, со светлыми, словно выплаканными глазами, оправила по-деревенски повязанный платок, начала свой рассказ.

— Из себя Александр Александрович был очень хороший, красиво писаный. Бывало оденет красную рубаху, подпоешется поясом, идет по деревне или на лодке катается с барышнями. Косил сам. А жену себе из Боблова взял. Беленькая такая, Любой звали. Вот она, Бобловка. Из нашего окна видно, — отодвинув занавеску, Анна Ивановна показала нам линию далекого леса, сливающуюся с синим горизонтом.

— На вершине самого высокого в округе Бобловского холма стоял дом Менделеева—обиталище «Прекрасной Дамы»,—заметил наш спутник, искусствовед Владимир Десятников.— Помните стихи?

Там, над горой твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

— Венчались в Тараканове, — продолжала Анна Ивановна. — Церковь красивая такая, над водой стоит. Женихом был, все к ней ездил то на белой лошади верхом, то на рыжей, то на черненькой. Сам-то в белом костюме, в белой фуражке. И с утра, и в ночь ездил. А раз приехал на наволной телеге, на кошевом сером клевере. Но обратно с Любой выехал. Люба в нашем деревенском сарафане и платком повязана. Я у них в усадьбе работала. В доме ихнем бывала. У него была комната большая, с низу, а по стенам все полки с книгами...

Сергей Тимофеевич, надев пиджак поверх фиолетовой майки, сам вызвался показать нам место, где стоял дом поэта.

Он долго искал, нащупывая ногами в земле следы кирпичной кладки и, наконец, разбирая кусты, сказал: «Вот где дом стоял!»

Конечно, мы бы никогда сами не нашли место старого дома, так как прямо из фундамента рос густой лес, и с трудом верилось, что эти высокие сильные деревья выросли за такое короткое время. Сергей Тимофеевич показал нам нирпичную дорожку, которая когда-то вела к пруду, и сам пруд, давно заросший ольхой, бузиной и папоротником.

— А вот как раз у этого дерева, — заметил успевший сделать много снимков Виктор Сергеевич, — Блок и сфотографирован с удочкой. Помните эту юношескую фотографию?

— Да, лет двадцать назад все было заметно лучше, а береза каково больше росто. Не будет, — она еще сто лет стоять будет, только еще больше распушится, — подтвердил наш новый проводник.

В ШАХМАТОВЕ Блок познал душу России, приобщился к тайнам ее бытия.

Здесь впервые предстала в его поэтическом сознании тема Родины, чтобы затем стать главной темой всего творчества поэта.

Будучи за границей, Блок никогда не забывал Шахматова с его «морем клевера», с «жжело-синими коврами инана-да-марьи и розовыми облаками иван-чая», с «красной заплаканной и древней», с серыми пицими избами, с грустящими стогами, с ветром, «поющим предания старины».

Блоковская Непрядва, которая «раскинулась. Течет, грустит лениво и мост берега — это берега Пруста, протекающая невдалеке от Шахматова. «Плат узорный до бровей»— именно так повязывали платки крестьянские женщины в окрестных деревнях.

Интересно, что Блок никогда не бывал в Шахматове зимой, и потому у него нет в стихах ни одного зимнего пейзажа русской деревни.

Русский пейзаж Блока — это Шахматово, зримый образ России Блока — это Шахматово.

Увидеть в скромной, неяркой русской природе поэтическое настроение, одухотворенную просветленность и глубокие философские подтексты — это особенность Блока-пейзажиста, которая роднит его с творцами русского пейзажа—Саврасовым, Левитаном, Рерихом, Нестеровым.

УЖЕ наступили сумерки, когда мы добрались до станции Солнечногорск. Во времена Блока эта станция называлась Подсолнечная, и 55 лет назад в июне Блок написал свое стихотворение «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошенным...»), пораженный конкретным случаем, происшедшим на этой маленькой станции.

Перрон переполнен людьми, ожидающими электричку. Поют хорон студенты-туристы. В руках у них огромные букеты иаломанной сирени. А вот наконец-то и поезд.

Скоро Москва — все небо пересечено проводами. Далеко позади осталось Шахматово, ставшее за один день таким незабываемым и близким. Там сейчас тишина, в голубых задумчивых сумерках драгоценными самоцветами мерцает сирень, так похожая своей тайной на «Сирень» Врубеля, да грустят одиноким стога, затерянные в необъятных русских просторах...

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ...

Лев ОШАНИН

«СМЕЛОГО пуля боится...» — это лирический дневник солдата всех войн, которые пришлось выстоять нашему почти пятидесятилетнему государству.

Алексей Суриков по праву говорит о своем поколении:

Он ходил в рядовых
Выстраданной большой революции,
Подпирал плечом боевую эпоху.

Поэт рисует людей долга, суровых и немногословных, способных вынести то, что, казалось бы, человеку не под силу:

Он не стонал. Он только
хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли
теплой крови
В желтеньий новый стекали
с бороды!

Это о его первой войне. О той войне, в которую он вступил мальчишкой и из которой вышел человеком с обожженным сердцем и рано седеющей в волосах. И с тех пор он всегда чувствует себя простым участником борьбы за ту идею, в которую поверил раз и навсегда в Октябре семнадцатого года.

В одном из стихотворений 1941 года он сформулировал это чувство в восьми строках, и их можно было бы поставить эпиграфом ко всему его творчеству:

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесточ?

Вся книга полна ощущения непрерывной войны человека с подлецу, поведенности самого подвига, совершаемого не ради романтики, а ради жизни родной земли. Именно это вечное чувство борьбы, непримиримости, неприятия зла дает поэтическую силу лучшим стихам Суркова. Боевая обстановка — его стихия, окоп и землянка — привычный, обжитой мир. Но герои Суркова — профессиональные военные — совсем не похожи на профессиональных военных, скажем, у Киплинга. Они умирают за справедливое дело. Война для них — горькая неизбежность, а не самоцель. Им часто трудно, иногда почти невыносимо, но они умеют, эти люди, по-мужски преодолевать и тоску, и горе, и усталость.

По-разному складываются поэтические судьбы. Почти все советские поэты в большей или меньшей степени отдавали свои перья войне. Но для большинства романтика Суркова война была лишь частью творчества, горькими страницами, которые сменялись радугой над полями, счастливым огнем вечернего города, глубинным шумом тайги. Сурков никогда не покидал поля боя. Июнь 1941 года он встретил во всеоружии, только крепче сжав зубы и потуже перетянув ремень. А когда спустя 4 года, 9 мая, залпы салюта возвестили победу над гитлеризмом, для Суркова война не кончилась. Просто изменилось поле боя — оно перелилось из конференций и конгрессы мира, на залитые кровью земли Азии и Африки.

Нелегко жить герою Суркова, но он живет так, чтобы потом с полным правом сказать:

Спорь утрат, усталость, боль
разлуки,
Сердце обнагающую злость —
Все мы испытали. Только скуки
Я не знал и испытать не довелось.

Стихи Алексея Суркова могут нравиться больше или меньше. Но, думается мне, у каждого молодого человека они должны пробудить в душе зависть к такой судьбе, уважение к ней, желание прожить жизнь так же, как поэт. Зависть судьба — всю жизнь быть солдатом, который дерется за мир.

И еще одно:

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить, —
Вы мне не плачьте. Лучше
найдешь
Песню, которая будет жить.

Песня Суркова действительно живет. Поэту не долю выпало удивительное счастье — ведь с тяжкими годами борьбы и побед навсегда связаны его строки, летучие, подхваченные многими голосами:

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Или:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Сейчас, накануне двадцатилетия победы над фашизмом, стоит еще раз с уважением и гордостью перечитать эти солдатские дневники. И напомнить нашим молодым, что

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Алексей Сурков. «Смелого пуля боится...». Стихи и песни. Воениздат. М., 1964.

Николай Муратов. «Один за всех». Роман. Издательство «Молодая гвардия». 1964.

БУМАЖНЫЙ КИРПИЧ

литературный фельетон

НЕСКОЛЬКО лет назад кишиневскую публику вабудоражило необычное обстоятельство — на улицах продавали «Ключи счастья». На предлагали в целлофане. Открытка «С днем рождения!» говорила о назначении свертка.

Среди покупателей были и чувствительные старушки, помнившие одноименный роман Вербицкой. По пергаментным щекам текли наносные слезы. В современных «Ключах» находили они немало дорогих сердцу строк, таких, например: героиня накинула на плечи желтую капроновую косынку и была такова... А кажется, как известно, цвет иначе. Это броский цвет, она сразу попалась на глаза скучающему Врублевскому... И то, чего она не добилась от нее ни один из парней и Петр Петрович, ухаживающий на ней вот уже третий год, сделалось в один этот вечер само собой, без насилия со стороны Врублевского...»

Операция была задумана широко. Стопьдесятого тиража вполне хватало, чтобы дарящими или одаривавшими стали не только жители Кишинева: были подобраны «ключи» к другим городам.

Вот только Москва почему-то осталась обделенной. Восстановить справедливость взялось издательство «Молодая гвардия»...

Дабы предупредить конкотолки, нужно сказать, что «Ключи» претерпели изрядные метаморфозы. Изменилось название. Из аннотации явствует: «Роман Николая Муратова «Один за всех» является сокращенным и переработанным вариантом недавно вышедшей в Молдавии книги «Ключи счастья».

Но как ни добивался автор краткости — сестры таланта, породниться с талантом не удалось...

Дома, что идут на снос, и те лучше сносных романов. Хибару временно заменит новую квартиру. Даже несколько посредственных романов не заменит одного хорошего. Николай Муратов написал плохой роман о том, как сносят хибары и строят на их месте современные дома.

Конечно, автор не замыкается в кругу тем Вербицкой, он обогащает традиции. Его волнует не только «тайное тайных» девичьих душ. По его рекомендациям можно составить технологические карты для прорабских участков. И когда он пишет о том, что «с помощью автокрана можно было наладить выгрузку кирпича из печей по всему фронту без перевалки на тележки, прямо в контейнеры», ему нельзя и не полюбить. Эти технические сокольи так и порхают по пухлым главам. Чувствуется, романист внимательно следил за новшествами в строительстве. И художественно освоив все сообщения, локализовав их на страницах своего произведения. Поэтому трудно назвать роман достижением технической мысли за отчетный период, которое не родилось бы в светлых головах героев романа.

Кроме того, Н. Муратов — футбольный болельщик. Есть в романе и хоккей. И, пожалуй, хоккей особенно близок автору: Н. Муратов отчаянно скользит по накатанным полям сюжетных линий.

Значит, Костя Жарков не то чтобы «влюблен был в Ирину, но она ему нравилась, и долго упрашивать его не приходилось, тем более, что расплачивался Толька Пушкарев за всех, не считаясь». Костя, совсем наоборот, любил Галинку «за кофе и за ее ухаживания». И девушка вроде бы любила, хотя за что-то «определенно дулась». Странный она была человек: «вместе со штапельным платьишком ...сбрасывала с себя всю городскую культуру».

Потом недоразумение разъяснилось. «Тут уж они законно обнялись, ничего не скажешь». Однако герои не сказали ничего лишнего. «Не с того конца я, видно, приступаю. Надо было сначала в любви объясниться,— думал он, дымя папиросой.— А что говорить? И так ясно, раз ухаживаю» «Костя терпеть не мог зряшных слов». Галинка же, в свою очередь, «сказала прежде всего связи без замужества».

Потерпев фиаско в любви, «Костя весь отдался комсомольской работе, с горячностью новичка хватаясь за каждое дело. А их было невпроворот».

Но думал он об одном — как бы не срезаться на зачетах в техникуме, «боялся главного инженера как преподавателя». Проект скоростной стройки интересовал его «как каменщика»: «...заработать в можно». И вот, как слепого мула в колодец, занесло Костю в изобретатели. Сначала все шло хорошо! Но потом «канат оборвался, изобретатели летели в пропасть неудачи»...

Чтобы как-то забыться, Костя окунулся в светскую жизнь. Вот когда попутал его злодей Врублевский. Он подвинул ему обольстительницу Леночку из ателье, в стоэре с ней затащив немудрящего комсорга в ресторан.

«Увидев грузинский коньяк с лимоном, семгу и салат со свежими, очевидно, еще парниковыми, помидорами. Костя совсем упал духом». И не зря. Далее события развивались весьма стремительно. Лучший друг Кости — Толька Пушкарев подрался с подлым Врублевским, который жил с его женой. Пришлось вмешаться и Косте.

«Вот на что замахнулись враги! Они хотели отнять у него комсомольский билет, лишить его бу дущего, жизни. Да, так, потому что ежели из комсомола вышибут, то и в партию не примут, это он превосходно понимал». Как видите, логика у Кости железная! Каким же нужно обладать даром психологического анализа, чтобы не поставить!

Теперь положительные герои боролись за звания ударников коммунистического труда. Не отставал и Костя. И хотя все «свободное время он убивал теперь на общественной работе», податливая и коварная Леночка не смогла вытеснить Галинку.

Наконец, добившись свидания, «Костя... не сводил с нее восхищенных глаз». Особенно поразило его то, что он не заметил «никаких сборок и складок на груди и на бедрах, как это было раньше, когда приходилось скрывать свою худобу, но и ничего лишнего тоже, как у Любашки» (да простит мне читатель этот набор женских имен!).

Галинка же «заметила, как жадно и нетерпеливо смотрит он на нее». «Костя ликовал. Он возвращался домой, окрыленный самыми голубыми мечтами и самыми розовыми надеждами».

Они были счастливы с Галинкой, но знали: «Это не конец пути, увенчанный лаврами, а лишь начало большой работы. Лаврами она пока еще не пахнет».

Вот, пожалуй, и все. Краткость изложения помешала передать подробности хотя и несколько сокращенного, но многопланового романа. Пришлось опустить некоторые сюжетные линии, острые диалоги, в которых выясняются отношения, несокращенные стенограммы производственных совещаний, бесчисленные цитаты из сборника «Пословицы русского народа» и куплеты популярных песен, придающие особый настрой и индивидуальные оттенки как речи персонажей, так и автора.

Итак, «Один за всех», 589 стр.

Ворочая несколько дней этот бумажный кирпич, я радовался только тому, что производство таких кирпичей нельзя «поставить на поток», что между читателями и литературой не вырастет стена из таких вот кирпичей.

Павел СИРКЕС

СТИХИ И ПОЭЗИЯ

субъективные заметки

Евгений ВИНОКУРОВ

ЧЕМ БОЛЬШЕ я задумываюсь над словом «правда», тем больше поражает меня его глубокий внутренний смысл. Не знаю, как в других языках, но в русском языке это слово содержит в себе два значения. С одной стороны, оно означает истину («Открой мне всю правду, не бойся меня...» Пушкин), с другой — справедливость («...Нет правды на земле. Но правды нет — и выше». Пушкин).

Для русского человека ценность холодного познания (истина) и ценность горячего нравственного чувства (справедливость) объединены в одно слово. Он их не разделяет. Это обстоятельство заставляет меня верить в то, что сам наш язык есть вещь бесконечно мудрая, живая, мыслящая, а не просто инструмент. Тем более поэзия. Стихи, лишенные правды, превращаются в ненужный технический инструмент. Ведь сами по себе стихи — это ритмические коробки, пустые соты. Дело не в сотах, а в меде, заключенном в них. Стихи и Поэзия — вещи разные. Поэзия может прибывать в стихах, а может и не прибывать. Ценность поэта заключается в количестве «питательных веществ», содержащихся в его творчестве, а не в умении создавать коробки. Можно быть, не боясь бы и говорить об этих избитых истинах, если бы зачастую стихотворческая умелость не принималась за собственно поэзию. Отсюда идут и все недоразумения с так называемым свободным стихом. Для кого сущность поэзии в самой этой «ритмической коробке», а для кого — в стороне дела, для того с потерей рифм и притма исчезает все.

Для кого же поэзия — в первую очередь ощущение мира, угол зрения, для того она продолжает существовать и в свободнышах, в этих внешних техникоскиих атрибутов, очень существенных, но все же не являющихся чем-то абсолютно необходимым.

Есть люди, дар которых скорее ритмический, чем поэтический. Их стихи — как идущий порожняком состав, стучащий на стыках. Эти люди владеют секретом, а не тайной. Стихотворная техника сама по себе подчас дает иллюзию какой-то содержательности, лихо зарифмованная банальность своим эфемерным, фальшивым блеском может на миг, как вспышка магния, ослепить неподготовленного читателя.

Но поэзия — это другое, это то, что входит в кровь читателя, оседает в ней и, как один из ферментов, начинает принимать участие в жизнедеятельности всего организма.

Конечно, все это очень личное мнение, но я не верю в поэта, в чьих стихах все в один момент, сразу доходит полностью до читателя, для усвоения стихов которого не надо никакого усилия. Мне думается, что если стихи не требуют от читателя ничего для читающего, они требуют времени для усвоения, для ассимиляции этого нового, непривычного. Только общее место не требует времени, оно глотается, не жуя, — его не нужно переваривать.

Иной потребительский читатель любит такие стихи именно за то, что ничего нового в них нет, за то, что не надо думать, напрягаться. Удовольствие доставляет глотание пустоты.

А ведь новое поэтическое явление всегда удивляет, оно непривычно. Поэзия шире нашего представления о ней. Новое явление приходит с неожиданной стороны: оно, как Мягелла, — его ждут с запада, а оно появляется с востока. Поэтическая мысль доходит не сразу, фельетон — моментально. Но на задах фельетона не тонн, чтобы дать только факт. Надо дать философию этого факта, эмоцию, вызванную этим фактом. Достаточно отрыть кран, чтобы начала бить сырая вода фактов. Лей сколько угодно — ее много.

В наш век поэзия живет не только в одной области сохранилась ручная работа. Это область искусства. Поточный способ, серийный метод здесь непригодны.

Задача — быть писателем, а не описателем. Частный факт, отдельный случай должен быть увязан с общим взглядом поэта на мир! Самоделки не умеют, не хотят, не могут об этом говорить. Они стихотворствуют. За стихами их самих не видно. Увлекаясь процессом сочинительства, они забывают собственно о стихах. От этого они переваривают, пишут длиннее, чем требуется, а переговорить — это все равно, что в бинокле перекрутить колесико: сбиться с резкости.

У поэтов, преклоняющихся перед стихотворной механикой, само отношение к миру механично. Обычно они делят мир на мещан и «мещан». К последним они причисляют себя. Часто признаком «мещанства» для них является сидение на месте, а «немещанства» — быстрое перемещение в пространстве. Атрибуты первого — «холодильник, вторгнер, «лиавз», тяжкие шаги второго — «вагонная полка», «вокзал». Не мещанин, на мой взгляд, не перестает быть мещанином, если он даже движется со скоростью 70 километров в час. Мещане, по-моему, как бы делятся на две категории: «статичные» и «динамичные». Иногда, видя, как в стихах какой-нибудь молодой поэт обрушивается на мещанина, мне очень часто кажется, что это «динамичный» мещанин, колотит своего брата — «статичного».

Признак мещанина есть в первую очередь неодухотворенность его, отсутствие в нем индивидуальности, внутреннего мира.

Мещанин загипнотизирован «вещью»; борется ли он с ней или тянется к ней, но она его преследует, как наваждение, — он не может от нее отделаться, он стряхивает ее, а она, как гоголевская ведьма, опять сидит у него на шее.

Истинный враг грех мещанства — его мещанственность, бездушие, внутренняя пустота, интерес к «вещи», к «оболочке», не к счастью и боли людей, не к глубине, не к поэзии, а к самой «стихотворной клетке».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДРУЖБА, БРАТСТВО, ЕДИНСТВО

«Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Польшей и Советским Союзом был и будет выражением и составной частью исторических изменений в нашей стране... Без помощи Советского Союза были бы невозможны достижения в деле мирного восстановления нашей родины».

Эти слова произнес в минувшую субботу министр иностранных дел ПНР Адам Рапацкий, выступая во Вроцлаве. И они выражают мысли и чувства всех поляков.

Вчера утром в Варшаву прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Л. И. Брежневым. Польская столица встретила советских гостей тысячами букетов живых цветов, кумачовыми полотнищами, на которых по-русски и по-польски написано: «Польский народ и народы Советского Союза вечно будут жить в дружбе!»

— В вашем лице, — сказал гостям Владислав Гомулка, — мы приветствуем верного союзника и искреннего друга народной Польши...

Нас, советских людей, так же как поляков, радует предстоящее подписание нового договора. За двадцать лет, что истекли после подписания договора 1945 года, неуклонно росло политическое, экономическое и культурное сотрудничество между нашими странами. Мы щедро делимся опытом, оказываем друг другу помощь в развитии народного хозяйства.

Наша братская дружба и сотрудничество находят выражение в единстве взглядов по международным проблемам. Польша и СССР выступают в едином фронте миролюбивых сил, отстаивают политику мирного сосуществования. Кому, как не польскому и советскому народам, лучше знать, что такое война? Вот почему они с такой страстью борются против происков милитаристских сил, против агрессии, в какой бы части света она ни была развязана.

Новый договор станет важным вкладом в дело мира, укрепления безопасности всех народов.

РОЗЫ ИЗ БЕЛОГО ДОМА

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

ПЕРВЫМ делом, чтобы не запамятовать, назову адреса этого человека на тот случай, если читатели захотят выразить ему по мере своего гнева и презрения: Wallace George, State Capitol, Montgomery, Alabama, USA. Это служебный адрес. Можно писать и на дом: Governor's Mansion, 1142 S. Perry St., Montgomery, Alabama, USA.

Правда, в уютном особняке Уоллеса живут и его жена Лерлин, уроженная Берко, бывшая продавщица магазина стандартных цен, и четверо их детей, но дети уже не маленькие, им тоже пора знать правду об этом улыбающемся, темноглазом, спортивной выправки господине.

А теперь по существу.

ЕСТЬ ЧТО-ТО загадочное в человеческой памяти, в ее избирательности, в нашем стремлении видеть мир и людей непременно прекрасными, непременно разумными и справедливыми.

Мы говорим: «Прошло двадцать лет после **окончания** войны». Это великая правда, истина, подтвержденная миллионами жизней, океаном крови, неоспоримостью нашего подвига. Но это одновременно и заблуждение: на протяжении более чем семи тысяч дней с той поры, как обуглился труп берлинского маньяка, не было ни одного дня без крови, без военных убийств. Война не покидала планету; ее огонь то чуть притихал и тлел подспудно, мучительно, то вспыхивал сильнее, когда, дуя в обе щеки, над ним склонялись мастера военных провокаций.

Мы говорим: нацисты, гестаповцы, эсэсовцы, и почему-то невольно обращаем взор в прошлое, туда, где маячат уже знакомые фигуры, — изобличенное уже преступление против человечества.

Даже нам, людям, видевшим заботные трупами рвы Таганрога и Киева, знающим, что все эти преступления творили не демоны зла, посланные на землю дьяволом, а обыкновенные с виду люди, даже нам трудно поверить в сегодняшних нацистов, в расистов рождения тридцатых и сороковых годов, поверить в то, что современный нацизм уже в известном смысле шагнул за ту черту, перед которой в перешительности остановился Гитлер.

Это кажется невозможным, немыслимым, а между тем это факт. Против этого восстают разум, инстинкт самосохранения, каждая клетка нашего существа кричит, вопит: нет! — а истина тем не менее заключается в том, что черная эстафета «нацизм × нацизм» в разгаре и сегодняшние нацисты уже прошли за финишную линию, у которой два десятилетия тому назад свалился издыхающий, побежденный гитлеризм.

Именно поэтому заслуживает внимания человек по имени Джордж Уоллес, губернатор штата Алабама. Он еще не так знаменит, чтобы биографические сведения о нем были в должной мере упорядочены: так, биографический словарь 1963 года называет его 47-м по счету губернатором Алабамы, а журналист Дональд Симен в «Дейли экспресс» пишет о нем, как о 50-м губернаторе, восседающем в большом, увенчанном белым куполом здании в столице штата Алабама — Монтгомери. Его еще рекламируют примерно в тех же тонах и выражениях, что и джазового певца или бейсбольную знаменитость, о нем еще говорят, похлопывая по плечу, говорят, как об удачливом, вывернувшемся из житейских передряг парне, то похлопывание это становится все нежнее и опаснее, — ведь Уоллес входит в силу и может укусить.

Уроки европейского фашизма пошли впрок американским «ультра». Взгляните на тех из них, кто рвется к власти. Они, как и Гитлер и его ближайшие приспешники, — из приказчиков, из демагогов, из «боксеров», пробившихся наверх с приплюснутыми носами и возниженавидевших всех, кто остался внизу. Подлинные хозяева предпочитают реальную власть — власть денег. В качестве же практических политиков, заплечных дел мастеров, убийц президентов и негров они спускают с цепи самых подлых, самых клыкастых.

Им оплачивают особняки и наряды жен, судейские должности и расходы по выборным кампаниям в губернаторы штатов, в члены конгресса. Они не скупятся на расходы, — каждый доллар окупится с лихвой.

Жаль, что здесь нет места, чтобы напечатать портрет Джорджа Уоллеса. Не карикатуру, на которой высокий лоб и два ряда ровных ослепительных зубов и чуть приплюснутый нос боксера были бы скрыты балахоном ку-клуксклановца, а фотографию работы Пола Робертсона из биографического словаря 1963 года. Это было бы лучшим опровержением теории Ломброзо, горячим сторонником которой становится сам Уоллес, едва только дело касается негров; теории, согласно которой преступной сущности человека соответствует и преступная внешность — элементы патологии и дегенерации. Как учтиво может выглядеть подлость! Сколько джентльменской выдержки и мягкости в чертах лица демагога! И только приказчичий лоск, ровный блеск хорошо уложенных волос, только что-то глубоко-глубоко запрятанное в стандартной, откликнувшейся объективу улыбке выдают заурядность натуры.

УОЛЛЕС — словно бы живое подтверждение пропагандистской сказки о «равных возможностях современного капитализма». Фермерский сын, оставшийся без отца в 1937 году, когда ему не было еще восемнадцати, он упорно пробивался вперед. Годы работы. Алабамский университет. Популярный футболист. Член университетской бейсбольной команды. Чемпион по боксу и профессиональный боксер. Водитель такси и самосвала. Ненависть к неграм ему внушал не врожденный аристократизм, а поощрительные взгляды нанимавших его хозяев, инстинкт карьериста, животная надность, исхашная коротких и беспроигрышных ударов. Ненависть к неграм американского Юга какой путь может быть короче тропы расистов и негрофобов! Как еще лучше прослыть своим парнем, верным, надежным человеком, если не заявив о себе как о заклятом и непримиримом враге негров! Кого еще можно так безнаказанно пинать ногами и растаскивать торопливыми злыми пинками, как не негров? А профессиональный ринг помог Уоллесу изучить толпу, ее повадки, ее слабости, низменные страсти сегрегационистского Юга, приучил его к драке и крови еще до того, как началась война. Правда, его военная биография не отмечена подвигами.

Однако не обремененный военными доблестями, Джордж Уоллес совершенствуется как оратор и приобретает уже не дилетантский, как в университете, а настоящий, деловой интерес к политике. В боксерских перчатках политика он пятит двоемыслие в вожделенной цели. Сначала — помощник генерального прокурора штата. Спустя два года после окончания войны — член законодательного собрания штата. Еще через шесть лет — окружной судья третьего судебного округа.

Только один раз, в 1958 году, Джордж Уоллес был нокаутирован на политическом ринге. Уже тогда он хотел стать губернатором Алабамы, но был побежден конкурентом — Джоном Патерсоном. «Меня обскакали в вопросе сегрегации, — прокомментировал свое поражение сам Уоллес. — Больше этого не случится». В 1958 году он поставил не на ту лошадь: витийствовал на предвыборных собраниях о строительстве школ и дорог, вместо того чтобы, подобно Патерсону, грубить в розе сегрегационизма и жечь зловещие куклуксклановские кресты. Он ненавидел негров, но не догадался сказать об этом столь же яростно и громогласно, как его противник.

Эта тактическая ошибка многому научила Джорджа Уоллеса. Он навсегда запомнил, что расистам Юга нельзя изменять ни делом, ни словом, ни даже помыслом, что политическая борьба в США — это тот же профессиональный кровавый бокс, тут нет места сантиментам. Он понял, что не надо скрывать своих низменных страстей, человеконенавистничества, расизма, что именно, они, чуть-чуть завуалированные словами о порядке и законности, могут стать источником силы и карьеры.

И уже в предвыборной кампании 1962 года Уоллес доказал, чего он стоит. С той поры он Надежда Юга, Сражающийся судья, Маленький Джордж, Непоколебимый, Стоящий в школьных дверях, — обладатель такого количества поощрительных эпитетов, какое и не снилось ни одному уголовнику США. С той поры он популярный оратор, автор хлестких картинных фраз, взятых на вооружение расистами США. С той поры он хитрый, коварный, самонадеянный лидер тех, кто борется против предоставления неграм гражданских прав.

«Сегрегация сегодня, сегрегация завтра, сегрегация навеки веков» — это Уоллес.

Он хвастает, что «начертал линию» в дорожной пыли и «бросит перчатку под ноги тирании», подразумевая под «тиранией» робкие, чтобы не сказать резче, попытки федерального правительства исправить положение на Юге.

Он гордится кличкой лидера Юга «в битве против расовой интеграции».

«Если нужно будет, — заносчиво заявляет он, — я сам встану на школьном пороге». — Это — нет, чтобы преградить путь негритянским детям. «В конце концов победа будет за нами, пусть даже нам придется бороться за нее два года, три года, пять или целых двадцать лет».

Уоллес еще относительно молод — ему только 46 лет, — и перспектива двадцатилетней борьбы не пугает его. Он сдержал слово и лично встал на пороге школы и на пороге университета. Но отряда алабамской дорожной полиции он создал подразделение штурмовиков, у которых могли бы кое-чему поучиться и бывшие молодчики Гиммлера. Он приказал давить негров колесами грузовиков, бить дубинками, поражать слезоточивым газом.

Я не стану описывать страшные подробности того, что происходило и происходит в штате Алабама — в Селме, в Монтгомери и других городах штата. Читатели знают о гибели священника Риба, об убийстве Виолы Лунзо — белой американки, друга негров, матери пятерых детей, о десятках других тяжелораненых участников походов за гражданские права негров.

Кровь этих людей — на руках Уоллеса. Он и сам не с слишком старается скрыть это: ведь через год новые выборы, а Джордж Уоллес хочет, чтобы его вновь выбрали. Выбрали как лидера сегрегации. Выбрали белые, и не просто белые, а белые расисты. Голоса негров могут изменить картину, а значит, их не должно быть, этих ненавистных голосов.

КАЖЕТСЯ, ясно: ведь нынче середина XX века, а не времена «салемских колдуний».

Да, ясно. А как же все-таки быть с федеральными властями, с Белым домом? Существует и американская конституция, и законы Штатов, и сложная, очень сложная, слишком сложная система отношений. Настолько сложная что молодчики Уоллеса и в ус себе не дуют, они грозятся «вышвырнуть вон» президента, если он будет совать нос в их лепа, они явно издеваются над законами и правосудием. Как не допустить на поруки убийц Виолы Лунзо, как не оправдать любого убийцу негра в стране, где остается ненаказанным убийство самого президента.

Но, к чести Белого дома, надо сказать, что он не забыл беднягу Риба. Когда священник Риб с проломленным черепом агонизировал в сверкающей белизной палате, в госпиталь привезли огромную корзину роз. Священник Риб не успел насладиться ароматом роз, доставленных из Белого дома, он, вероятно, не смог уже и подумать о том, что в конце концов цветы нужны живым, а не мертвым.

Чувство неловкости, чувство стыда вызывают обтекаемые, уклончивые слова, раздающиеся в ответ на выстрелы, на вызов, на насилие. Послушайте, как приятно, как элегически шелестят они:

«...правительство внимательно следит за событиями...»

«...хладнокровие, разумность, уважение к закону и порядку...»

«...мы подготавливаем законодательство...»

Мне казалось, что люди, называющие себя наследниками Кеннеди, не могут не чувствовать с особой остротой опасность расизма, не могут не противостоять насилию «бешеных» силу государства, решимость защитить честь нации. Жизнь опровергла эту иллюзию. В распоряжении правительства оказался только... букет роз. Этот человеческий жест был бы вполне понятен, если бы исходил от частного гражданина. Но в качестве средства борьбы против расизма — не маловато ли для правительства великой державы?

Да и то сказать: как может помешать Уоллесу правительство страны, которое совершает подобные же убийства во Вьетнаме и применяет отравляющие вещества в неизмеримо больших масштабах, чем алабамский дилетант Джордж Уоллес!

Волна возмущения захлестнула весь мир. Американские самолеты сеют смерть и разрушения во Вьетнаме. Расисты с огненными крестами — символом расовой ненависти — убивают мирных людей только за то, что они добиваются гражданских прав для негров в США. Их последняя жертва — Виола Лунзо, молодая женщина, мать пятерых детей. Ее застрелили на одной из алабамских дорог изуверы в белых балахонах куклуксклановцев.

Алабама далеко от Донг-хоя, но горе людям причиняют и тут, и там все те же черные силы реакции. Советский писатель Александр Борщаговский в своей статье обличает Джорджа Уоллеса — губернатора-расиста штата Алабама. Известный французский писатель и философ Жан-Поль Сартр в своей статье, которую мы в сокращенном виде перепечатываем из еженедельника «Нувель обсерватор», призывает преградить путь преступным действиям империалистов. Совесть мира гневно клеймит преступления американской реакции!

Пытка водой! Еще одно изощренное преступление американских интервентов и их южновьетнамских прислужников. Таким чудовищным способом солдаты правительственных войск пытаются заставить пленного партизана рассказать о местонахождении партизанских отрядов. Но любовь к родине, к многострадальной вьетнамской земле, стремление к свободе сильнее смерти. Ни пытки, ни террор не в силах сломить решимость и волю народа к борьбе.

Яну Дрде — 50 лет

4 апреля исполнилось 50 лет видному чешскому писателю Яну Дрде, книги которого — повесть «Однажды в мае», сборники рассказов «Высший принцип», «Немая баррикада», «Знамя» и другие — хорошо известны у нас в стране.

В своих новеллах, очерках, пьесах писатель познакомил нас с героями, мужественно боровшимися с врагом в годы фашистской оккупации, а ныне строящими социалистическую Чехословакию.

В связи с юбилеем Яна Дрды правление Союза писателей СССР направило ему телеграмму.

«Дорогой наш друг и товарищ, — говорится в ней, — сердечно поздравляем Вас в день Вашего славного пятидесятилетия. Желаем Вам счастья, здоровья, больших творческих успехов и новых встреч наших многомиллионных читателей со славными героями Ваших произведений».

Жан-Поль САРТР: ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ ЧУДОВИЩНА

Почему я не поехал в США

РЕЧЬ идет о том, поддадимся ли мы самому изощренному обману, к которому когда-либо прибегала пропаганда. Что говорят сейчас американцы? Они говорят, что расширяют войну во Вьетнаме, бомбят Север и применяют ядовитые газы на Юге, чтобы сделать возможными переговоры. При всей чудовищности это звучит довольно внушительно. Ибо подумайте сами — что это означает? Ведь воюют всегда для того, чтобы добиться мира, но какого? Мира по своему выбору. Воюют для того, чтобы добиться переговоров, но каких? Переговоров, которые хотят навязать. Вопрос, однако, заключается в том, стремятся ли к урегулированию, приемлемому для противника, или хотят уничтожить этого противника с тем, чтобы его преемники согласились на урегулирование, которое будет капитуляцией. Правительство Вашингтона заявляет: подождем проявления доброй воли со стороны Северного Вьетнама. Это означает: подождем, когда Северный Вьетнам признает себя побежденным, станет умолять нас прекратить бомбежки. Это, попросту говоря, означает, что американцы выступают за расширение войны. В первую очередь необходимо понять именно это, а поняв, сделать надлежащие выводы. Это я и сделал.

Конечно, есть американцы, которые понимают все это, они осуждают эту политику и выступают против нее. Но именно они упрекают меня в том, что я отменил встречи, с которыми я должен был выступить в будущем месяце в Соединенных Штатах. Год назад Корнеллский университет (в штате Нью-Йорк) пригласил меня совершить это лекционное турне. Это один из самых старых и серьезных университетов Соединенных Штатов. Я встретил бы там много друзей.

Преподаватели Корнеллского университета недавно направили президенту Джонсону открытое письмо, в котором осуждают его политику во Вьетнаме. Они организовали марш протеста в небольшом соседнем городе Итака. Я принял приглашение посетить Корнеллский университет потому, что убедился, что в Соединенных Штатах растет деятельное меньшинство, которое сочувствует неграм и участвовало на их стороне в борьбе против расовой дискриминации...

В 1954 году после поражения французов Соединенные Штаты решили поддержать правительство Дьема, видимо, для того, чтобы обеспечить для себя стратегические позиции на Дальнем Востоке.

Когда стало совершенно ясно, что судороги южновьетнамской диктатуры отражают лишь соперничество отдельных лиц внутри продажной клики и что этот режим внушает ненависть всему вьетнамскому народу, США отказались сделать из этого выводы и предпочли занять позицию, которую я бы назвал позицией «отвлекающего маневра». Терпя поражение от Вьетконга на Юге, они обрушили свои удары на соседнюю страну — Северный Вьетнам.

С военной точки зрения это не имеет никакого смысла, поскольку не может позволить американцам одержать победу на Юге. Даже сами американское командование считает, что лишь 10—20 процентов оружия и боеприпасов Вьетконга поступают из Северного Вьетнама. Если даже предположить, что между Севером и Югом будет создан непроходимый барьер, то это не окажет серьезного влияния на боеспособность Вьетконга, а лишь заставит его изменить тактику и напрячь свои усилия, чтобы доставать оружие там, где он уже добывает его в большем количестве — у частей южновьетнамской правительственной армии.

С политической точки зрения агрессия против Севера — это позорный акт, который меняет самый характер войны. Операции переносны на другие объекты с применением других средств, но цель, казалось бы, остается прежней. Стало быть, это количественное отличие.

Но в том-то и дело, что это не так. Каждому известно, что в определенный момент количество переходит в качество. Бомбардировки Севера придали новый характер войне, которую ведут там американцы. Они означают необратимый **качественный** скачок, ибо они резко обнажили тот факт, что вся структура американского общества виждется на империализме...

Бомбардировки изменили все. С тех пор я убедился, что американцы ничего не поняли и с ними нельзя найти общий язык.

С кем я стал бы говорить там? Я выступил бы с пятью лекциями в университете перед публикой, состоящей из студентов и профессоров. Настоящего диалога не получится, ибо в общем-то они согласны со мной. Конечно, найдется несколько деятелей правого толка, которые будут просто очаровательны и скажут — вам ведь известны американские правила «честной игры». — «Он действительно вправе высказать свое мнение». Некоторые газеты поместят выдержки из моих лекций — 10 строк здесь, 20 строк там — и на этом все кончится. Это не окажет никакого воздействия на американскую политическую жизнь. Зато они смогут сказать, что, мол, Сартр, «лауреат Нобелевской премии» (я произношу эти слова в кавычках), прибыл, чтобы спокойно обсудить в Соединенных Штатах среди уважающих себя людей американскую политику во Вьетнаме. А вот этого-то я и не хочу.

В Соединенных Штатах также существует оппозиция. Она становится все более активной. То, что она делает в борьбе против расизма, требует в некотором смысле гораздо больших сил и мужества, чем это требовалось от французов в борьбе против алжирской войны, даже когда они непосредственно помогали фронту национального освобождения. Ведь поехать на Юг, чтобы участвовать в походе негров, значит подвергать себя риску линчевания и смерти. Прошлым летом в Миссисипи были убиты два белых студента, приехавших с Севера. Несколько дней назад в Алабаме были убиты пастор и молодая женщина. Однако все больше белых готовы идти на этот риск. Они проявляют удивительное мужество.

Конечно, их действия ненаправлены, поскольку они заставляют американцев осознать расовый гнет, существующий в их собственной стране. Сотни негров были убиты на Юге. Это никогда не вызывало большого резонанса, но вот убийство белой молодой женщины и белого пастора — это совсем другое дело! Вспомните, какую повышенную восприимчивость проявили люди во Франции к показаниям Анри Аллега, потому что он был первым французом, о котором мы с уверенностью знали, что он подвергся пыткам. Люди, в конечном счете, допускали, что к мусульманам применяют пытки, но когда пыткам подвергают француза,— это уже совсем другое.

На словах правительство США выступает против расизма. Так уж случается, что когда американское правительство усиливает свою империалистическую политику за пределами страны, оно старается быть более либеральным внутри страны, в расовом плане...

Прежде всего, необходимо действовать безотлагательно. Существует лишь один способ; он заключается в том, чтобы резко и полностью осудить американскую политику во Вьетнаме и попытаться вызвать протесты в Европе. Если бы американское правительство, признав ошибку предшествовавших ему правительств, вывело из Вьетнама своих военных экспертов и своих солдат, то я не замедлил бы одобрить это и стал бы считать, что кое-что в Соединенных Штатах начинает меняться. Произошло же обратное. И американское вмешательство в Северном Вьетнаме следует рассматривать с точки зрения всей внешней политики Соединенных Штатов.

Речь идет не только о Вьетнаме. Если американцев прогонят из Сайгона, то это вызовет последствия во всех странах третьего мира, и, возможно, со временем вызовет потрясения в Латинской Америке. Цель заключается в том, чтобы применяя силу, сохранить всю систему угнетения.

Я был в Соединенных Штатах в свое время. У меня там были друзья. Но тогда это было не то же самое, что сейчас. То, что я там видел, не было похоже на происходящее сейчас. Сегодня речь идет об отчетливом, беззастенчивом, типичном акте агрессии, который не имеет оправдания. Кроме того, я хотел бы сказать, что вообще не следует считать Америку центром мира. Она является величайшей мировой державой? Ну что же, пусть так, но она отнюдь не является центром мира. Даже если вы европеец, вы должны устремлять свои взоры и вьетнамцам, кубинцам, африканцам, но всем друзьям из стран третьего мира, которые стремятся к независимому существованию и свободе. Каждый день доказывает, что эта величайшая мировая держава не способна диктовать свои законы, что она наиболее уязвима и что мир не выбирал ее центром тяжести.

Соединенные Штаты, конечно, будут эволюционировать — медленно, очень медленно: но они будут эволюционировать быстрее, если мы будем сопротивляться им, чем если мы будем обращаться к ним со своими проповедями.

Свободу литераторам Анголы и Мозамбика!

СОЮЗ советских писателей обращается ко всем писателям мира с призывом поднять голос протеста против беззакония, творимого политической полицией Португалии в Анголе и в Мозамбике.

Расстреливая мирное население, сжигая африканцев напалмом, фашистская колониальная диктатура стремится в то же время осуществить дьявольский план истребления в этих странах национальной интеллигенции.

Всему миру известна судьба выдающегося поэта Анголы — Агуштиньо Нету, который провел в тюрьме в общей сложности около десяти лет и только с помощью товарищей по Партии народного движения за освобождение Анголы и португальских прогрессивных сил смог выбраться из тюремного ада.

Один из представителей молодого поколения ангольских писателей — Луандину Виейра, описавший в своих произведениях все ужасы португальских застенков, все ужасы пыток, проводимых колонизаторами, в декабре 1961 года сам был заключен в одну из ангольских тюрем, а в августе 1963 года приговорен к 14 годам каторжных работ.

В тюрьме находятся поэты Антониу Жасинту, Энрики Герра, Антониу Кардозу, Арнальду Сантуш. Три года провел в заключении поэт Мариу Антониу. Талантливейший поэт Анголы Кошта Андради, чудом избегнувший общей участи, влачит жизнь в изгнании.

Вся немногочисленная ангольская интеллигенция, вопреки стремлениям колонизаторов, вставшая на защиту своих братьев, подвергается жестокайшему террору.

23 сентября 1964 года вспыхнула национально-освободительная война в Мозамбике, и вот уже сегодня выдающийся поэт этой страны Жозе Краверинья разделил участь своих ангольских братьев. Поэт, ставший национальной гордостью мозамбикских народов, оказавший влияние на творчество молодых писателей, таких, как Луиш Бернарду, брошен в темницу. Жизнь его находится под угрозой. Одновременно с Жозе Краверинья арестован самый молодой прозаик Мозамбика, двадцатидвухлетний Луиш Бернарду Онван. Сборник его правдивых рассказов был опубликован лишь в прошлом году. Арестованы поэты Малагатана Валенти и Руй Ногар, журналисты Жоан Реш и Себаштьян ди Ресенди. Узнав об аресте своих товарищей, повесился журналист и писатель Фаушту Дуарти Линду.

Союз советских писателей призывает писателей всего мира выступить на защиту Свободы слова и священных Прав человека, ежедневно попираемых португальским правительством. Представители ярчайшей африканской литературы, писатели и поэты Анголы и Мозамбика, должны быть освобождены из застенков!

Свободу нашему брату Жозе Краверинья, нашим братьям Луандину Виейра, Антониу Жасинту, Энрики Герра, Арнальду Сантушу, Антониу Кардозу и всем другим представителям ангольской и мозамбикской интеллигенции, томящимся за решетками португальских тюрем!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

НА МАЙ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ МЕСЯЦЫ 1965 ГОДА

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 4-98-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — Б 0-54-03, иностранной — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—00656

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).